

A detailed illustration of a medieval battle scene. In the foreground, a knight in chainmail and a conical helmet aims a crossbow. In the background, other knights are engaged in combat near a large wooden log cabin. One knight is climbing a ladder to the second floor of the cabin. The scene is set in a grassy field under a blue sky with clouds.

ЕВГЕНИЙ КРАСНИЦКИЙ

ОТРОК

Покоренная сила

Отрок

Евгений Красницкий

Отрок. Покоренная сила

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Красницкий Е. С.

Отрок. Покоренная сила / Е. С. Красницкий — «Издательство АСТ», 2016 — (Отрок)

ISBN 978-5-17-099145-7

Уцелеть в бою, убить или обратить в бегство противника, конечно, победа, но вовсе не самая трудная. Во много крат труднее победить себя: увидеть грань между самоуважением и чванством, между гордостью и гордыней, между принципиальностью и упрямством. А увидев и поняв, суметь не переступить ее. Порой для этого нужно иными глазами посмотреть на окружающий мир, отказаться от привычных, устоявшихся за десятилетия взглядов. И совершенно неважно, когда формировались эти взгляды и привычки – в XX веке или в XII, потому что в любые времена справедливы слова: «Истинно силен тот, кто победил себя». Победа над собой – победа, при которой нет побежденных, потому что сила, которая повелевала тобой против твоей же воли, становится покоренной силой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-099145-7

© Красницкий Е. С., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Евгений Красницкий

Отрок. Покоренная сила

Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону

© Евгений Красницкий, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть первая

Глава 1

Апрель – май 1125 года, село Ратное – Нинеина весь

Выехав из Нинеиной веси с утра, Мишка с Роськой подъезжали к Ратному уже далеко за полдень. Накормленные Роськой щенки затихли в корзине, перестав возиться и попискивать, Мишка пригрелся около их пристанища, удобно пристроенная раненая нога не беспокоила, и старшина Младшей стражи начал задремывать. Роська тоже поклевывал носом, осовев то ли от монотонности дороги, то ли от резкого пополнения Мишкиными стараниями персонального тезауруса.

Рыжуха, умнющая скотина, почувствовав расслабленность пассажиров, не перешла на шаг, а по-прежнему топотала рысцой, но темп выбрала такой, который был удобен ей, а не задавался людьми. Дорога подходила к концу, вот-вот в просвете между деревьями должен был появиться ратнинский тын. Вдруг впереди, заставив Мишку с Роськой разом вздрогнуть, раздался отчаянный женский вопль. Через пару секунд – еще один.

– Что такое? А ну-ка, наддай!

Роська понукнул Рыжуху, но до того, как сани выкатились на берег Пивени, раздалось еще несколько воплей, слившихся в один сплошной вой.

На берегу Пивени стояла толпа – похоже было, что здесь собралось все население Ратного. Приглядевшись, Мишка понял, что на самом деле видит две толпы – вольные ратнинцы и холопы. Холопы стояли отдельно, на коленях и были окружены полукольцом ратников, верхами и в полном вооружении.

Особняком держались три всадника: дед в парадной шубе, крытой синим сукном, староста Аристарх, тоже одетый, как для торжественного случая, и Мишкин знакомец, ратник из десятка Луки – Афанасий. Афоню Мишка узнал с трудом, левый глаз и чуть не половина лица у того были закрыты повязкой.

На речном льду стояли сани без лошади. В них лицом вниз, с растянутыми ремнями руками и ногами, лежала обнаженная женщина. Рядом горбатилась жуткая фигура обозного старшины Бурей, который, ощеряясь так, что было видно даже издали, хлестал лежащую в санях женщину кнутом. Бурей нанес очередной удар, откинул в сторону руку и расстелил на снегу кнутовище. Немного помедлил и снова полоснул с оттяжкой. Воздух прорезал новый отчаянный крик.

«Садист, падла, специально с паузами бьет, это больнее. Удовольствие получает, угребище, мог бы и одним ударом убить. Что же случилось-то?»

Еще несколько ударов. На последние два женщина не отреагировала, видимо, потеряла сознание. Бурей поднял голову и уставился на сотника Корнея, тот кивнул. Обозный старшина склонился над санями и принялся распутывать ремни, которыми были привязаны руки и ноги жертвы.

Мишка закрутил головой, пытаясь высмотреть, кого бы можно было расспросить, и увидел, что от края толпы ему машет рукой Матвей.

– Роська, Матвея видишь? Давай туда.

Рыжуха единым махом перенесла сани через реку, с разгону выскочив на противоположный берег.

– Мотька, что тут такое?

– Холопку казнят, – Матвей мотнул подбородком в сторону Бурей. – Афоня ее вчера вечером изнасиловать хотел, а она ему полморды ногтями располосовала и глаз. Тетка Настена

сомневается, что видеть будет. Утром сотник ее судил и приговорил казнить. Вот, казнят. Отец Михаил вмешаться хотел, да никто и слушать не стал, – Матвей безнадежно махнул рукой. – Алена его без памяти утащила. Смотрите, сейчас Бурей ее...

Бурей выкатил из саней забрызганный кровью чурбан, кинул на него приговоренную и взмахнул секирой. Толпа дрогнула, где-то вскрикнула женщина, запричитала еще одна... Бурей поднял над головой отрубленную по самое плечо руку.

Дед поднялся на стременах и заорал в полный голос:

– Зрите! Эту руку она подняла на своего господина!

Бурей, повинаясь очередному кивку Корнея, схватил бесчувственное тело за волосы и кинул в прорубь, рукоятью секиры пропихнул его под лед, потом спихнул ногой туда же и отсеченную руку. Дед снова заорал:

– Раб, поднявший руку на хозяина, повинен быть убитым, а буде раб убьет хозяина, повинны быть убитыми все рабы в доме! Так было, так есть и так будет впредь! Идите и помните!

«Господи, это же я ее Афоне подарил. Имени не знал, даже не видел никогда и судьбу ее решил. Как она кричала...»

– Старшина, что с тобой? – Мотька плюхнулся в сани рядом с Мишкой и потряс его за плечо. – Что, ногу опять разбередил?

– Это я ее убил... – враз помертвевшими губами пробормотал Мишка.

– Да что ты несешь-то? Роська, давай поехали, сейчас толпа в ворота полезет, не просунемся.

«Господи... Не поминай всуе, трепач! Я же не знал, что так выйдет... А кто Перваку подобную ситуацию живописал красочно? Пушкин? Одно дело языком трепать, а другое – своими глазами увидеть. Между прочим, уже вторая девка по твоей милости смертным криком кричит – одна в Турове на костре орала, вторая здесь, под кнутом. Иди теперь и повесься в сортире, интеллигент вишивый».

– Минь, да ты чего? – Роська пару раз несильно ткнул Мишку кулаком, но ответной реакции не дождался. – Мотька, что с ним?

– Откуда я знаю?

– Может, к Настене его?

– Да не знаю я! Давай к Настене, разворачивай.

– Не проедем, надо к главным воротам.

– Ну, давай к главным...

Сзади раздался топот копыт, и с высоты седла послышался злой голос деда:

– Михайла, видал? Вижу, что видал. Узнал свой подарок? А ты не беспокойся: Афоня обделенным не остался, там еще одна девка есть – помоложе. Вот ключица срастется, морда подживет – и опять... И Буреюшка не в обиде будет, ему не в тягость. Даже с удовольствием!

Дед зло подхлестнул коня и поскакал вперед.

«Ну-с, любезнейший, будем писать или будем глазки строить? Вы еще считаете себя приличным человеком, или пора вешаться? Ах, считаете? Тогда чего сидим?»

– Роська! – даже собственный голос показался Мишке чужим. – Домой, быстро!

– Минь, может...

– Домой!!!

По пустым улицам села пронеслись вихрем, едва не сшибая углы, хотя деда все-таки догнать не смогли. Рыжуха внесла сани во двор чуть ли не галопом и протестующе захрапела, резко осаженная возле крыльца старого дома.

– Беги к Кузьме и возьми у него оба самострела – его и Демкин, – скомандовал Мишка Ростиславу.

– Минь, зачем самое...

– Выполнять приказ, десятник!!!

– Слушаюсь...

– Бегом!!!

Роська сорвался с места.

– И болты не забудь! – крикнул в спину крестнику Мишка и попросил Матвея: – Мотя, помоги из саней вылезти.

Утвердившись на костылях, Мишка, как только мог быстро, поковылял к входным дверям. На крыльце запнулся, чуть не упал, но Мотья успел его поддержать. В доме подскакал к своей спальной лавке, костыли мешали нагнуться, и для того, чтобы добыть из-под лавки короб с нехитрыми пожитками, пришлось сесть прямо на пол. Мишка костылем выудил свое имущество, достал из короба кошель с серебром – туровскую добычу.

Поднялся было на ноги, но неловко ухваченный одной рукой вместе с костылем кошель выскользнул из пальцев. Часть монет выпала, раскатилась по полу. Матерясь чуть ли не в голос, Мишка снова опустился на пол и, ползая на животе, принялся собирать раскатившиеся монеты. Откатившиеся далеко подбирать не стал – лопнуло терпение. Затянул ремешком горловину кошель, но узел никак не хотел завязываться.

«Кончайте психовать, сэр, от нескольких секунд ничего не зависит. Спокойствие, только спокойствие, как говорил один обладатель штанов с пропеллером».

Мишка плюнул на узел, обмотал ремешок вокруг горловины кошель и сунул его за пазуху. Потом с криком стал подниматься.

Возле саней никого не было – Роська еще не вернулся, Матвей куда-то ушел, а Рыжуха уже нацелилась занять свое законное место под навесом, среди остальной скотины, но остановилась перед оградой. Мишка забрался в сани, тронул Рыжуху и развернул ее мордой к воротам. Из-за угла как раз выскочил Роська с двумя самострелами в руках.

– Минька, твой самострел уже починили, а себе я Демкин...

– Взводи, но болты пока не накладывай, – перебил крестника Мишка. – Готово? Поехали!

– Куда ехать-то? – Роська с тревогой оглянулся на Мишку, с которым явно творилось что-то ненормальное. Мишка и сам не понимал, почему так торопится, что любая, даже секундная, задержка выводит его из себя.

– К Афоне.

– Так я же не знаю...

– Сейчас направо.

Сзади ударил крик деда:

– Куда с оружием? Стой! Стой, кому говорю! Матюха, коня мне, быстро!

На улицах Ратного былолюдно – толпа еще не рассосалась по домам, особенно не разогнившись, но Мишка, пихая Роську в спину костылем, заставлял крестника использовать любую возможность прибавить ходу. Люди неохотно уступали дорогу, весьма нелицеприятно комментируя вслед их стиль вождения. Ехать пришлось через все село – почти к речным воротам. Пока доехали – наслушались.

Одна створка ворот на подворье Афони оказалась почему-то открытой, и Роська вписался в просвет, чудом не зацепившись санями за воротный столб. Рыжуха снова захрапела, задирая голову, – Роська тормозил, как гонщик «Формулы-1», в последний момент.

Еще на ходу Мишка прочел открывшуюся его взгляду мизансцену, благо, ничего сложного в этом не было – продолжение воспитательного процесса в сольном исполнении ратника девятого десятка Афанадия Романовича. Афоня, стоя перед группкой жавшихся друг к другу людей, размахивал здоровой рукой и, чувствовалось, что с удовольствием, орал во всю глотку.

Перед Афоней стояли пятеро: мужчина, женщина, видимо, жена, девчонка лет четырнадцати и два мальчика. Мужчина был высок, широкоплеч, имел роскошную окладистую бороду и... по-детски наивное, перепуганное лицо с широко распахнутыми голубыми глазами. Мишка

хорошо знал подобные лица еще по ТОЙ жизни. Матушка-природа расщедрилась на тело, но оказалась скаредной на разум.

Обычно такое сочетание сопровождается бычьим упрямством и агрессивностью, но изредка случается так, что нет даже и этих «добродетелей». Хрестоматийный пример – тридцатилетний недоросль, пребывающий под каблуком у мамочки, которая помыкает взрослым мужчиной, как дошкольником. Похоже, именно такой «глава семьи» Афоне и достался, только пребывал он не при мамочке, а при жене. Такое тоже случается.

Афоня токовал, как глухарь, не смог даже сразу остановиться, когда появились незваные гости.

– ...и без Буря обойдусь! Сам запорю насмерть! Пусть только хоть одна сука...

Мишка вылез из саней, забыв про костыли, спасибо Роське – поддержал, и вытащил из-за пазухи кошель с серебром. Афоня наконец закончил орать на холопов и, не понижая голоса, обратился к Мишке:

– Михайла! Здорово! А я вот тут... – объяснить, что «он тут», ратник не успел – брошенный Мишкой кошель ударился Афоне в грудь и упал ему под ноги, из раскрывшейся горловины выползли на снег монеты.

– Михайла, ты чего это?..

Афоня осекся, увидев направленные на него самострелы.

– Я их у тебя выкупаю! – Мишка махнул рукой холопам. – Эй! Собирайтесь!

– Михайла! Ты че... – снова было начал что-то говорить Афанасий, но заткнулся на полуслове: самострельный болт ударил ему под ноги – прямо в кошель, пробил его и застрял, наполовину уйдя в мерзлую землю.

– Пересчитывать будешь? – поинтересовался Мишка, не оглядываясь, сунул свой самострел Роське и тут же получил взамен другой – заряженный. Не услышав ответа на свой вопрос, он снова обратился к холопской семье: – Эй, вы! Вам, вам говорю! Собирайтесь! Или вам у Афони нравится?

Немая сцена, громом звучит щелчок вставшего на боевой взвод самострела. «Глава семьи» вопросительно пялится на жену, а та, похоже, что-то сообразив, подталкивает его в сторону сарая.

– Куда? А ну назад! – Афанасий, видимо чисто рефлекторно, попытался остановить холопов.

– Афоня! Даже и не думай! Как я стреляю, ты знаешь. Куда могу попасть – тоже.

Мишка демонстративно шевельнул самострелом, и здоровая рука Афони дернулась, прикрывая пах.

«Блин, ну натуральный вестерн. Клинт Иствуд явился на ранчо плохого парня восстанавливать справедливость. Как там по-ихнему: “Бед бойз маст дай”? Или что-то в этом роде. А ведь мочкану, если дернется, даже сомнений нет. Голливуд, едрит твою...»

– Всем стоять! – голос деда перекрыл топот копыт нескольких всадников. – Михайла, стрелялку наземь! Ну!!! Афоня, чего за хозяйство держишься, уже попало?

– Корней Агеич...

Уже в который раз Афоне не дали закончить начатую фразу, только теперь это сделал не Мишка, а его дед:

– Молчать! Роська, что тут происходит?

– Холопов выкупаем, – невинным тоном сообщил десятник Василий. – Вон серебро лежит.

Мишка оглянулся. Дед, Лука Говорун, еще четверо ратников верхами, а у ворот – толпа любопытствующих. И когда успели собраться-то?

– Ага... Кхе! И сколько дали?

– Гривну... С мелочью, деда.

- Афоня, доволен ценой?
- Корней Агеич...
- Молчать!

Афанасий изумленно вылупился на сотника.

– Ратник Афанасий ценой доволен! – громогласно объявил дед. – Эй, вы! Быстро собираться! Бегом!

Холопов как ветром сдуло. Афоня дернулся было их остановить, потом оглянулся на сотника, да так и застыл раскорякой – слишком уж быстро и непонятно для его простецкой натуры все произошло.

- Десятник Младшей стражи Василий! – продолжил распоряжаться дед.
- Здесь, господин сотник!
- Старшина Михаил ранен и немощен. Грузи его в сани – и домой.
- Слушаюсь, господин сотник!

Роська подхватил Мишку под руку и помог усесться в сани.

– Корней, – подал голос Лука Говорун.

– Чего, Лукаша? – ласково отозвался дед.

– Парень твой моему человеку оружием угрожал, прямо в его доме. Не дело!

– Эх, Лукаша! – тон деда стал уж и совсем задушевным. – Да у меня двоих родичей и вообще застрелили. Правда, не в доме, а в лесу. Не слышал?

– Гм...

– Это молодежь, Лукаша, нынче торгуется так – гривна с мелочью и болт в придачу.

– Да... Торговаться... Гм... По-разному можно... – пробормотал десятник и вдруг выверился. – Баба, скройся!!!

С крыльца дома Афони кто-то шмыгнул в дверь. Лука мрачно окинул взглядом растерянно стоящего посреди двора своего подчиненного.

– Я тебя, Афоня, доли лишил, а ты меня, своего десятника, кривым ходом обошел. Подумаешь теперь, пошло ли тебе это впрок? Посмотри-ка сам, что из этого получилось...

– Кхе! Верно говоришь, Лука, – не дал развить мысль своему говорливому десятнику дед, – кривые ходы, они того... до добра не доводят. Ладно, вы тут разбирайтесь, а мне недосуг. Не считай за труд, пришли людишек, как соберутся, ко мне на подворье.

– Сделаем, Корней Агеич.

Роська уже разобрал вожжи и тронул сани к воротам, когда Мишка все-таки не выдержал и заорал так, чтобы слышно было и собравшимся на улице зевакам:

– Афоня! По Русской Правде, если раба понесла от хозяина и родила, то хозяин повинен дать ей волю, жилище и кормить, пока ребенок не вырастет! – и уже из-за ворот добавил: – Я тебя от оскудения спас, кобель блудливый!!!

* * *

У ворот лисовиновского подворья собрался весь семейный «женсовет»: мать, тетка Татьяна, обе Мишкины старшие сестры – Анька-младшая и Машка. Даже ключница Листвяна была здесь, хоть и стояла в сторонке. Дед, еще не доехав до ворот, закричал издали:

– Бабоньки, чего сгрудились? Никак, женихов высматриваете? Глядите у меня, по улице всякие люди ходят, долго ли до беды. Я вот, к примеру, и вовсе неженатый.

Дед по-гусарски подкрутил ус и лихо подмигнул Листвяне. Женщины заулыбались. Раз дед веселый, значит, обошлось.

– Батюшка, что случилось-то? – на всякий случай все-таки спросила мать.

– Ох, Анюта, и не спрашивай! Такие страсти, такие страсти, – дед дурашливо схватился за голову. – Михайла с Афоней из-за холопов торговаться взялись, да так разгорячились, что

твой старшенький Афоне чуть все на свете не отстрелил, насилиу растащили. Луку с десятком ратников на подмогу призывать пришлось. А тебе, Листвяна, доука – надо будет еще куда-то пять человек пристроить и скотину.

– Пристроим, Корней Агеич, – приветливо пропела ключница. – А ты, батюшка, откушал бы медку чарочку с устатку да от волнений. И Михаила Фролыч с Василием Михайлычем, поди, с утра не евши.

– Каким таким Василием Михайлычем? – не понял дед.

– Так вот... – Листвяна указала на Роську. – Имени природного батюшки мы не знаем, наверно, можно тогда по имени крестного отца... Или нельзя?

– Кхе! Ну ты и удумала... Даже и не знаю. Отца Михаила разве спросить, так он больной весь насквозь. Анюта, что думаешь?

– Пусть будет, батюшка, нельзя же человеку без отчества, – отозвалась мать.

– Да? А ты что скажешь, Василий... Кхе... Михайлович?

– Господин сотник, – Роська выскочил из саней и сдернул с головы шапку, – дозволю доложить?

– Ну, докладывай. Кхе... Только шапку надень, застудишься.

– Это не старшина холопов выкупил, а я!

Мишка изумленно обернулся на крестника, но, увидев умоляющие глаза Роськи, прикусил язык.

– Я перед Господом обязан... – Роська запнулся, с трудом подбирая слова. – Мне через Святое крещение воля вышла, и я теперь должен... Пять душ, тоже через Святое крещение... И волю дать.

– Кхе... Совсем все с ума посходили, – дед несколько растерянно огляделся и зацепился взглядом за ключницу. – Листвяна, а ты насчет чарочки-то права оказалась... Да и не одной, наверно. Да... Кхе!

«Ни хрена себе! Сэр Майкл, а крестник-то ваш, похоже, того – повернулся слегка на религиозной почве. Пошли дурака Богу молиться, он и это самое. Несовместимые с разумной жизнью последствия. Жил себе парень, горя не знал, о конфессиональной принадлежности не ведал, так нет – взяли и окрестили».

– Васенька, да куда ж они у тебя денутся, вольные-то? – мать была явно растрогана Роськиным порывом и старалась говорить ласково, чтобы не обидеть парня. – Ведь ни кола ни двора, голову приклонить негде. Ты о людях-то подумал, сынок?

– Подумал, крестная. Я десятнику Андрею в ноги кинусь, попрошу их для всяких хозяйственных работ в воинскую школу взять. На кухне там, или еще чего – дело всегда найдется. А за это – жилье и корм. На первое время. А дальше – как бог даст, и как сами расстараятся.

– Кхе! А что? Стряпуха в воинской школе и правда нужна, – одобрил предложение дед. – Этакую ораву кормить! Да и не одна, а с помощниками. Дело говорит Василий... а и правда – Михалыч! Только никому в ноги кидаться не надо, я приговариваю: быть по сему! Ежели, конечно, Святое крещение добровольно примут. А ты, Михайла...

– Что, деда?

– Кхе!.. – дед приосанился в седле. – Старшина Михаил!

– Здесь, господин сотник!

– Я тебя упреждал, что вокруг тебя все время какая-то дурь происходит? Упреждал или нет?

– Так точно, господин сотник!

– Так точно? Так точно... – дед словно бы пробовал на вкус новое словосочетание. – Хорошо придумал!

– Рад стараться, господин сотник!

– Кхе! Красота, едрена-матрена... Михайла! Ты мне голову не крути! Все равно с мысли не собьешь! Я тебе приказывал: уймись?

– Так точно, господин сотник!

– Так вот: посиди-ка ты дома, внучек. Коли раненый, так и отдыхай, лечись. За ворота – ни ногой, ни костылем! Запрещаю!

«*Домашний арест, допрыгались, сэр*».

– Слушаюсь, господин сотник!

– То-то же. Кхе! Листвяна, где там моя чарка? И парням пожрать.

* * *

После обеда дед, размякший и подобревший, уединился с Мишкой в горнице.

– Ну, Михайла, что там с Нинеей?

– Деда, погоди. Скажи, а нельзя было девку не казнить? Ну, наказать как-нибудь...

– Тьфу, чтоб тебя... Только отходить начал! Думаешь, мне в удовольствие было? Я за свою жизнь всякого навидался... тебе и не снилось, а девку молодую да красивую к смерти приговаривать первый раз довелось, – дед помолчал, потеревил бороду. – Нельзя было не казнить! В селе, вместе с бабами и детишками, около семи сотен душ – вольных. И только шесть десятков строевых ратников. А холопов, вместе с новыми, аж за четыре сотни набирается. Если слабину дать... Не дай бог. Задавим, конечно, но и сами кровью умоемся, – дед досадливо стукнул кулаком по колену. – Черт тебя дернул Афоне такой подарок сделать!

– Не эту семью, так другую бы получил, если б доли не лишили.

– То-то, что другую! В последнюю очередь после десятников и тех, у кого серебряное кольцо. В семьях, которые по нижним жребиям шли, таких красивых девок не было! А ты самый верхний жребий вытянул, такой соблазн. Лука верно сказал: кривые дорожки до добра не доводят, – дед снова поскреб в бороде. – Ты думаешь, мы жадные – себе получше, молодым ратникам похуже? Дурак! Молодому ратнику нужно то, что ему хозяйство поднять поможет – работники. Такие жребии вниз и кладут. А для баловства у него жена молодая есть, или любовница, или то и другое вместе. А тут – две девки-красавицы – сплошное искушение.

– Старым козлам молодость вспомнить?

– А и вспомнить! – дед начисто проигнорировал Мишкино хамство. – Да только в первый же день насильничать не стали бы, а случись дите, вырастили бы, воспитали бы воина для сотни. Или, если девка, хорошо бы замуж выдали – с приданым, честь по чести. И хозяйство вести приученную, и все прочее. А Афоня пока сам еще суший малец – что в голове, что в амбаре ветер свищет. Вот ты на меня тогда обиделся, что я приказ Луки не отменил, а Лука прав был. Во всем! Мы же знали, что полон большой будет, заранее оговорили все с десятниками, прикинули: кому из молодых ратников помощь в хозяйстве нужна, какую долю для этого надо выделить. Жребии с Аристархом, как надо, подобрали. Дозорных Лука под конец жеребьевки помиловал бы – дал бы половинную долю. Три последних жребия были с малосемейными мужчинами при почти взрослых сыновьях. Самое то, что нужно. И жребии те Аристарх держал отдельно.

– Выходит, я вам все испортил, деда? Прости дурака, я ж не знал, что так все выйдет.

– Да что я, не вижу, что ли, что сам казнишься? Рожа у тебя тогда в санях была... Думал, убьешь Афону. А ты все по уму сделал, молодец, внучек. Тебе бы только понять, что в жизни не все по книгам бывает... Поймешь еще, какие твои годы!

– Спасибо, деда.

– Кхе... Ну что там с Нинеей?

– Не отказалась, вообще хорошо приняла.

– Но и не согласилась? – догадался дед. – Понятно, на такое ответ сразу не дают.

- Ласковые слова тебе передать велела, хотя и попеняла тоже.
- Ласковые? Ну-ну...
- Сказала, что радуется мудрости твоих первых шагов на воеводстве.
- Это, наверно, за то, что ее уважил.
- Еще сказала, что рада правильному пониманию смысла боярского достоинства в столь юном роду, ничем, кроме воинских подвигов, себя не прославившем.
- Ишь ты как! – Дед накрутил на палец ус, видимо, сильно волновался: такой привычки за ним Мишка раньше не замечал. – На худородство наше указала! Ну конечно, с ней нам не равняться.
- И попеняла, – продолжил Мишка. – Излишне, мол, заботимся о поддержании ее достоинства, сама, говорит, могу позаботиться.
- Ну, это она соврала! Могла бы – позаботилась. Но понятно: надо, хотя бы для виду, поломаться, гонор показать – невместно ей перед худородными сразу же... того. Понятно, в общем. Что ж, несколько дней подождем.
- Снега падут, дороги развезет, – напомнил Мишка. – Да и народ за тыном еще несколько дней держать...
- Честь дороже! – решительно заявил дед. – А за тыном никого держать не будем. Мужчин и парней, что постарше, на высылки отправим – помогать обустроиваться, а бабы с детишками тут пересидят – на подворье, места хватит. Понастроили, едрена-матрена, ни пройти, ни проехать.
- Бояр-то уже осчастливил, деда?
- Еще вчера. Кхе! Лука с Игнатом ничего, а Леху Рябого аж затрясло, как про свою землю да про боярскую усадьбу услышал.
- А места им указал?
- Да нет еще. Мы же и не посидели толком, как раз Афоня учудил. Отвлекли. Да и вообще, такие дела на пиру решать надо.
- На пиру? – не понял Мишка. – Важные дела по пьянке?
- Почему же по пьянке? Ты что, не знаешь, зачем князя пиры устраивают?
- Ну... По праздникам, еще для совета с дружиной, еще... не знаю.
- Собирает князь смысленных мужей, – принялся объяснять дед, – которые не только путный совет дать могут, но и без которых княжий указ толком не выполнить. Поначалу сильно не пьют, так только, для приличия. Князь заботу свою излагает, потом слушает советы и принимает решение. Называет, кому что делать, с кого за что спрос будет. Потом начинают пить в полную силу, а князь опять глядит и слушает. Кто не пьет – недоволен, за ним пригляд нужен, но если уж очень сильно пьет, тоже может быть недовольным. Потихоньку языки развязываются, начинают высказывать, у кого что на уме, спорят, ругаются, бывает, и морды бьют. И тут такое открывается, что в ином случае никогда и не узнаешь. А наутро бирючи указ оглашают, и бывает так, что в указе дело поручается вовсе не тому, про кого на пиру говорилось. Но указ составлен, и люди все подобраны так, что противники и недовольные – всегда в меньшинстве. Дураки потом ходят и удивляются: «Ох, ну что за князь у нас, что за разумник!» А на деле-то сами ему все и рассказали.
- Но баб-то на пир не допускают. А как же Ниня?
- Княгиня обычно сидит, пока настоящая пьянка не началась, потом уходит. Вот и Ниня посидит, пока разговор о деле будет идти, а потом сама решит, оставаться или уходить. Ты за нее не беспокойся, она лучше нас с тобой знает, как да что.
- Ну вот, будут и про тебя говорить: «Ох, ну что за воевода у нас, что за разумник!»
- Михайла! – дед грозно нахмурился. – Я тебе говорил: уймись со своими шуточками? В дверь просунулась голова Роськи.
- Господин сотник, дозволю доложить?

– Ну что там еще?

– Девки щенков забрали и не отдают!

– Каких еще щенков?

– Мы от боярыни Гредиславы Всеславны привезли помет трех сук от Чифа, – принялся объяснять Роська. – Для воинской школы. А они их там тискают, всякую дрянь в рот суют, а щенки еще и сосать-то толком не умеют...

– Погоди, погоди... – Дед замотал головой, как конь, отгоняющий мух. – Для какой воинской школы?

– Для нашей.

– Тьфу ты! – у деда начало иссякать терпение. – Да знаю, что для нашей! Щенки-то там на хрена сдались?

– Деда, – вмешался Мишка, – помнишь, ты как-то говорил, что надо Прошке щенка подарить и посмотреть, как он его воспитывать будет. Дар, мол, у парня.

– Кхе... Было чего-то такое... Ну и что?

– Мы будем обучать охрану купеческих караванов. Помнишь, как Чиф засаду почуял? Всех спас тогда.

– Так ты хочешь псов на засады натаскать?

– Да, деда. Раздать каждому из учеников по щенку, пусть сами учатся и псов учат.

– Роська! – рявкнул дед. – Кто там у девок заводит?

– Машка, то есть Мария Фроловна, она и корзинку из саней...

– Ишь ты, Фроловна... А ну, за волосья ее и сюда!

– Слушаюсь, господин... – Роська растерянно умолк. – А как же... за волосья...

– Что непонятно, десятник? – повысил голос дед и пристукнул деревяшкой в пол.

– Все понятно, господин сотник, бегу!

– Так. Значит, натаскать на обнаружение засад... – Дед одобрительно покивал каким-то своим мыслям.

– И еще от стрел уворачиваться, а то Чифа...

Голос у Мишки, неожиданно для него самого, дрогнул. Дед сочувственно глянул на внука, вздохнул:

– Кхе... Да, справный был пес... Ты себе-то щенка возьмешь?

– Нет, не буду.

– Что ж так?

– Второго Чифа уже не будет, а другого – не надо.

– Кхе... Ну, как знаешь... А кто же учить пацанов станет?

– Прошка. Будет кинологом Младшей стражи.

– Кем? Михайла, да сколько ж можно?

– Прости, деда. «Канис» – «собака», «логос» – «наука». Кинолог – собаковед.

– Собаковед... Придумают же.

Из-за двери раздался топот ног, девичий визг, в горницу влетела Машка и, споткнувшись о порог, брякнулась на четвереньки:

– А-а-а, деда-а-а! Он меня за косу-у-у...

– Молчать!!! Встать! Сопли подтереть! Волосья оправить! Живо!!!

Машка вскочила на ноги, бодро шмыгнула носом и мгновенно привела в порядок прическу. Только что «во фронт» не встала.

«Да, сэр, хорошо поставленный командный голос и четкая формулировка приказа творят чудеса! В патриархальном обществе. А в демократическом – такое в ответ получил бы...»

– Кто разрешил щенков брать? – прокурорским тоном поинтересовался дед.

– Им там холодно было, а я...

– Я не спрашивал: тепло или холодно! Я тебя, лахудра, спросил: кто разрешил?

– Никто. Но я же...

– Молчать! Дурищи, щенки еще молоко-то сосать толком не умеют, а вы им что в пасть совали?

– Потрошки куриные...

Дверь снова открылась, и в горнице появилась мать. По всему было видно, что пребывает она в настроении самом что ни на есть воинственном.

– Анята, я тебя не звал! – попытался пресечь конфликт в зародыше дед. Но не тут-то было. Мать гордо откинула голову и совсем не скандальным, но холодным, как лед, тоном заявила:

– Я в своем доме, батюшка, могу и без зова.

– Совсем охренели бабы...

– И поэтому нас можно таскать за волосы и бить лбом об дверь? – все тем же ледяным тоном осведомилась мать.

– Если приказано, то и об дверь!

– И за что ж такая ласка?

У матери на лице стал медленно проступать румянец. Дед, похоже, тоже начал заводить.

– А за то, что дура беспросветная, только о баловстве и думает! Если башка ни на что больше не пригодна, то и двери ею открыть не грех, – дед распалялся все больше. – Это еще не ласка!!! Я так приласкаю, забудет, как звали, а не то чтобы не в свое дело нос совать!!! Щенков для дела привезли, а не для игрушек! Чурка осиновая – сосунков потрохами кормить. Я вот тебя саму сейчас сырые потроха жрать заставлю!

Мать выслушала дедову тираду внешне совершенно спокойно, только еще больше раскраснелась. Безошибочно вычленила из всего информационного потока рациональное звено и повернулась к Машке:

– Зачем щенков взяла? Хочешь вместе с Анной нужники помыть?

– Мама-а-а!

– Не реветь!

Мать топнула ногой.

«Блин, что значит: столичное воспитание! Прямо классная дама из Института благородных девиц».

Дед, почувствовав в невестке союзника, сразу помягчел и перешел на ворчливый тон:

– Одни игрушки в голове, ну хоть бы чего-нибудь путное...

– Вот и нет! – неожиданно выпалила Машка. – Я из самострела стрелять выучилась!

«Извивы девичьей логики: где щенки и где самострелы... Блин!!! Как это выучилась?!»

Дед словно прочел Мишкины мысли:

– Как это «выучилась»? Кто позволил... Кто учил?

– Кузьма, – тут же заложила двоюродного брата Машка. – Он новые штаны порвал, боялся, что мать ругать будет. Я зашила. А он на следующий день рубаху располосовал – и опять ко мне. Я и говорю: буду тебе все дырки зашивать, сколько ни прорвешь, а ты учи стрелять. Я уже от тына в тряпку на четвертой вешке попадаю.

– Да я и тебе, и Кузьке... Нет, Анята, ты слыхала?

– Слыхала, – мать согласно склонила голову. – Но мы, батюшка, еще с первым делом не решили.

– С каким таким первым?

Мать всем корпусом развернулась к Мишке и глянула так, что тот оторопел.

«Ох, да у нее не хуже, чем у Нинеи, получается – царица разгневанная!»

– Ты! – мать словно выстрелила этим словом Мишке в лицо. – Ты, когда Немой со мной грубо обошелся, кинулся меня защищать! Сейчас твой крестник так же обошелся с твоей сестрой. Почему смолчал?

«Ой, мама...»

Мать развернулась к деду и снова выстрелила словами:

– Оба раза по твоему приказу, Корней Агеич! Ладно там – среди своих, а здесь – на глазах у холопов!

Дед попытался что-то ответить, даже уже открыл рот, но мать, остановив его жестом, повысила голос:

– Ты о чем думаешь, старый? Одна внучка воеводы с драным задом нужники моет, вторую при всех за волосы тягают. Сколько еще холопов придется Бурею отдать, чтобы они разницу между собой и нами усвоили?

Ты! – мать развернулась к Роське. – Мария – твоя сестра! Что бы ты сделал, если бы кто-то чужой ее обижал? Так не веди себя, как чужой!

Вид у Роськи был несчастней некуда. Похоже, что Анну-старшую он чуть ли не боготворил и сейчас был готов умереть, лишь бы не слышать обращенных к нему ТАКИХ слов.

– Ты! – Машка дернулась, как от удара, и испуганно вытаращилась на мать. – По-твоему, внучка воеводы, дочь павшего воина, может позволить себе визжать, как свинья? Молчи! Сцепи зубы и молчи! Глаза обидчику выпарапывай, руками и ногами бей, по чему ни попадя, но молча! Ты – не раба, никто к тебе пальцем прикоснуться не смеет! И думай! Все время думай и помни: ты постоянно на глазах у людей. Дурой выглядеть не имеешь права, потому что дурой выглядит не девка Машка, а внучка воеводы, и это – укор для всей семьи. Привез Михайла щенков. Холопка любопытный нос сунет, по носу за это и получит. А воеводская внучка, если ей это нужно, просто спросит: что и зачем. И никто воеводской внучке... – мать снова слегка повысила голос, – и никто воеводской внучке не ответит: «Не твое дело», тем более при холопах. Никогда! Понятно?

– Угу... – прогундосила Машка. – Понятно.

– А теперь, – мать обвела взглядом всех присутствующих, – слушайте приказ воеводы Корнея Агеича!

– Кхе!

Мать и не подумала обернуться на голос деда, лишь повторила с нажимом:

– Приказ воеводы Корнея Агеича! Десятник Младшей стражи Василий!

– Я, госпожа... боярыня Анна Павловна!

– Сестру Анну из сарая освободить. Вежливо! Отвести в дом – на кухню. Листвяне велеть Анну накормить. Но не очень обильно. Еще скажешь Листвяне, что Анну надо после сарая да нужников помыть и одежду выстирать.

– Слушаюсь, матушка боярыня!

Роська сунулся к дверям, но мать остановила его:

– погоди, не убегай. Еще не все. Ты, Мария...

– Мама...

– Молчи! Слушай приказ! Выпрямись, руки опусти, косу не теребить! Глазами не елозь, смотри прямо... Да не по-коровьи! Ладно, это – потом. Приказ тебе такой. Если уж взялась за щенков – ответ за них теперь на тебе. Чтобы были накормлены, ухожены, здоровы и веселы. Сама за стол не садись, спать не ложишься, пока щенки не обихожены. Ночью – вставать к ним два раза, я прослежу. Это – первое. Теперь – второе. Приставлю к тебе двух девок. Ничего сама руками делать ты больше не должна. Запрещаю! Все – через девок. И чтобы ни крика, ни ругани, ни рукоприкладства! Сумей то, что надо, объяснить спокойно и вежливо. Ослушаешься – буду хлестать по щекам, для пущего румянца. Я – мать, мне – можно. И чтобы девки твои были аккуратны, благообразны, бойки и веселы. Спрос – с тебя. Кроме заботы

о щенках на тебя возлагается забота о холопском жилье. Каждый день будешь обходить все места в усадьбе, где живут холопы. Смотреть: чтобы было прибрано, чтобы не было больных, чтобы были ухожены дети. Примечать: не холодно ли, не сыро ли, нет ли сквозняков, чистый ли воздух. Замеченный беспорядок приказывай устранять самим холопам, если же будет что-то трудное – говори мне. Если с каким-то нужным делом твоим девам будет не справиться, тебе поможет десятник Василий.

Мать развернулась к Роське.

– Тоже – не сам! Работать – холопским мальчишкам, вразумлять нерадивых – твоему десятку. Взрослых холопов от дел не отвлекать. Если что – к старшине или ко мне. Учитесь повелевать людьми, но, самое главное, повелевать собой. Тебя, Мария, это особо касается. Анне потом тоже девок дам и обязанности подберу. Воевода Корней все сказанное утверждает.

– Кхе! Утверждаю! И смотрите у меня... Не дай бог... Кхе!

– Ступайте, ребятки... Куда? А старшему поклониться?

Машка и Роська торопливо отмахнули поклон деду и шмыгнули за дверь. Мать обернулась к Мишке.

– Миша, ты для чего щенков привез?

– Мы охрану караванов обучать будем, собака засаду всегда раньше человека почует.

– Понимаю.

– Хочу, чтобы Прошка обучением собак занимался.

– Правильно, – одобрила мать. – Вот ведь дал Бог дар, они же с покойным Чифом такими приятелями были, чуть ли не из одной миски ели. И с любой другой скотиной у Прохора хорошо выходит. Бабы у колодца треплются, что он звериный язык знает. Ты сколько щенков привез?

– Одиннадцать.

– А про то, что крестникам своим по одному щенку дать собирался, помнишь?

– Помню.

Мать снова развернулась лицом к деду, но голос ее утратил властность и резкость – почти-тельная невестка обращалась к батюшке свекру.

– Батюшка, сколько Никифор учеников привезет?

– Договаривались на десяток или дюжину.

– Значит, на всех не хватит. А я еще хотела бы Анне с Марией по щеночку.

– Кхе, а им-то кого охранять?

– Самих себя. Девам скоро пятнадцать, парни уже давно заглядываются. Да и воеводские внуки – всякому лестно, долго ли до беды?

– Да у нас отродясь такого не было! С холопками разве что...

– Нет, батюшка, теперь жизнь другая пойдет, да и пошла уже давно, только не очень заметно. А теперь виднее станет. Ты же в больших городах бывал и жил подолгу, должен понимать.

– Так то – в городах.

– В Ратном, считай, тысяча человек теперь, – напомнила Анна-старшая. – Три-четыре урода на тысячу обязательно найдутся.

– Кхе...

Мать обернулась к двери и негромко окликнула:

– Жива!

В дверь просунулась девчонка:

– Слушаю, матушка боярыня!

– Живушка, сбегай к соседям справа, позови отрока Прохора, скажешь: сотник Корней кличет. Приведешь к нам. Ступай.

«Опаньки, уже и девчонка на побегушках имеется, глядишь, скоро фрейлинами жаловать начнет. И откуда что берется? Хотя, дочка одного из богатейших туровских купцов... По нынешним временам между купеческой верхушкой и боярством разница невелика. По деньгам – неизвестно, кто еще круче. Оружием большинство купцов владеет вполне профессионально, без этого на Большой Дороге не выжить. Вооруженные отряды, хоть и небольшие, но имеются. Холопов купцы держат, разве что пашенных крестьян у них нет, зато домашней челяди не меньше, чем у бояр.

Правда, площадка для общения у купечества и боярства только одна – торжище. Но бабы, похоже, общаются активнее, мать в Турове очень быстро старые связи восстановила. Позсалуй, «дворянским замашкам» удивляться не следует».

– Кхе! Не рано ли боярыней величаться стала, Анюта?

– Для них, – мать качнула головой в сторону двери, – мы бояре. И никак иначе!

– Тоже верно... Кхе. Значит, благородное воспитание девкам дать хочешь? А замуж выдавать в Туров повезешь? Да ты сядь, Анюта, чего стоять-то.

– А почему же и не в Туров, батюшка? Или нам родственные связи в стольном граде не нужны?

– Кхе, вот не было печали. И не выпори ее, и за волосы не потаскай, боярышня, едрена-матрена. А она еще и из самострела... Да! – спохватился дед. – Анюта, это еще что такое? Ты куда смотрела? Девка с оружием!

– Был же у тебя об этом разговор, батюшка. Я знаю.

– Знает она... Все-то вы, бабы, знаете... Ну и что, что был? Я не решил еще ничего.

«А что, сэр, леди Анна права: связи в столице – великое дело. Эх, была не была!»

– Деда, – заговорил Мишка таким тоном, будто цитирует текст какой-то книги, – благородным девицам должно владеть посильным для них оружием, ездить верхом и уметь вести себя на людях. Хоть бы и в княжеском тереме.

– Баба? Верхом? Михайла, ты же ничего, кроме кваса, не пил! – Дед сделал вид, что принохивается. – Или пил?

– Есть специальные женские седла, чтобы боком сидеть, – Мишка проигнорировал дедовы подозрения. – И специальное платье для верховой езды. «Амазонка» называется.

– Анюта, кто из нас рехнулся? Я или он?

– Погоди, батюшка, – Мишкин расчет на женскую реакцию полностью оправдался. – Что за платье, Миша?

«Отлуп вам, господин сотник, женищина о новом фасоне платья услышала, да еще портниха. Всё, ваш номер – шестнадцатый, ваше место – в буфете».

– Сверху узкое, особенно в поясе, – Мишка изобразил руками некий колоколообразный контур. – Юбка у пояса в складочках, а книзу расширяется очень сильно, чтобы с обеих сторон коня свисала. Спереди до земли не достает, чтобы носки сапог видны были, сзади хвостом волочится. Под него надевается несколько нижних юбок, чтобы пышно было. Под платьем сорочка с кружевным воротом стоячим, вот так, до самых ушей. На горле брошь держит кружево свернутое... – Мишка поискал подходящее сравнение, не нашел и решил назвать своим именем. – Жабо называется, я тебе потом нарисую. Из рукавов тоже кружева торчат, закрывают ладонь до пальцев. На руках перчатки такого же цвета, что и платье.

На голове – шляпа, шапка такая с полями, обернута кисеей и концы на спину спускаются. Это тоже потом нарисую. Вообще-то кружевной ворот можно отдельным сделать, только прикалывать или прихватывать на живую нитку...

На протяжении всего Мишкиного монолога дед сидел с таким видом, словно в его присутствии творится что-то крайне неприличное, а он, по независящим от него причинам не может вмешаться. Наконец старый солдат не выдержал:

– Михайла! А ну-ка соври, что это тоже в книгах отца Михайла есть.

– Зачем врать? – Мишка изобразил оскорбленную невинность. – Я эту книгу в Турове на торгу видел у ляшского купца. Не продавалась, да и писана не по-нашему, но картинки он мне дал посмотреть и объяснил кое-что. Книга называлась: «О благородном искусстве верховой езды и охоты на полевую дичь».

«Врете, сэр, и даже не краснеете, Нинеи на вас нет».

– И он тебе так все подробно рассказал? – не сдавался дед. – С чего бы это?

– А это тот лях, деда, который сразу полсотни наших матрешек перекупил. Он, как узнал, что их я делал, сразу таким разговорчивым стал. Ну, я и попользовался.

– Тьфу, едрена-матрена, ну на все у него ответ есть!

Сбить мать с портновской темы, однако, было не так-то легко.

– Что ж ты сердишься, батюшка? Мне Никифор говорил про того купца, все так и было. Миша, а еще там какие-нибудь платья были нарисованы?

– Нет, мама, только охотники: с луками, с самострелами, с соколами – это же про охоту книга. Я что подумал, мама. Если мы на будущий год опять поедем воинское учение представлять, и Анька с Машкой в таких платьях по кругу проедут, да хоть по разу из самострелов выстрелят – женихи у нас на заборе гроздьями висеть будут. Выбирай – не хочу!

Реакция матери была молниеносной:

– Батюшка, надо нам на будущий год опять в Туров ехать.

Дед в ответ лишь обреченно вздохнул.

«Замужество дочерей – святое дело. Не становись на пути – сиибет, как электричкой».

Однако не тем человеком был сотник Корней, чтобы оставлять за кем-нибудь последнее слово.

– До будущего года еще дожить нужно, Анята, пока что и так хлопот полон рот. Ты вот девкам задания раздала, а я – тебе. Платья там всякие, седла бабы... Тьфу, и говорить-то противно. Ладно, с этим сама разбирайся. А с самострелами, раз уж начали... Назначаю тебя бабьей десятницей, даже полусотницей. Учи всех подходящих баб и девок из семьи. Разбирай их на десятки, ставь над ними десятниц. О самострелах с Лавром сама договаривайся. В поле не води, бери тот кусок тына, к которому наше подворье примыкает. Велишь холопам, чтобы подходящий помост изладили, лестницы и все прочее. В общем, все так, будто бы вам тут оборону держать, если в осаду сядем. Михаилу тебе, Анята, в помощники назначаю, пока с воинской школой на эту... Михаила, как ты говорил?

– На базу.

– Пока он с воинской школой на базу не отъедет... Ох, не лежит у меня душа к вашим игрищам, ну какой у девок порядок может быть? Перестреляете друг друга...

– Порядок будет, батюшка, да такой, что ратникам не снился, – твердо пообещала мать. – Не беспокойся.

– Кхе! Дай-то Бог. Ты Прошку-то зачем позвать велела?

– Щенков на всех не хватит, батюшка, пусть пробежится по селу, визнает, где еще взять можно и что взамен попросят.

– Пустобрехов бы не набрал, – озабочился дед, – такие псы, как Чиф был, – редкость.

– Это Прохор-то пустобрехов наберет? – мать преувеличенно удивленно подняла брови. – С его-то даром?

– Кхе, тоже верно.

* * *

Следующие несколько дней стали для Мишки настоящим кошмаром. Допросы с пристрастием, которые учинили ему мать и сестры по поводу покроя амазонки, довели его до полного отчаяния. Уже к концу первого дня у Мишки созрело твердое убеждение, что воспетый

классикой американской литературы капитан Батлер был либо абсолютно вымышленным персонажем, либо извращенцем и психом одновременно.

Ну не мог нормальный мужик, тем более офицер-артиллерист, так досконально разбираться в женских тряпках. В противном случае, он вместо «клевого прикида» видел бы на любой женщине лишь сложный набор из вытачек, клиньев, пройм, вставок, прошивок, рюшечек, фестончиков, оборочек и еще черт знает чего, – начисто отбивающий всякий интерес не только к самой тряпочной конструкции, но и к тому, что находится внутри нее.

В конце второго дня исполнения столь опрометчиво взятой на себя роли кутюрье, очевидно находясь в состоянии временного помрачения рассудка, Мишка проговорился бабам о таком дьявольском изобретении, как криолин, после чего и вообще начался сущий ад. Сколько обручей должно быть? Какой ширины? А как в этом сидеть? И так далее, и тому подобное. Как в этом сидеть, Мишке никогда и в голову не приходило задуматься, об остальном в общем-то тоже. И деваться некуда – домашний арест.

Утром третьего дня Мишка проснулся в холодном поту. Всю ночь его терзал кошмар: его собственные чертежи, сделанные углем на столе, во сне ожили и накинудись на Мишку, размахивая отрезами тканей и терзая его плоть иголками, булавками, ножницами и прочим портновским инструментом.

«Блин! Ну это ж надо было умудриться устроить самому себе такой геморрой! Едрена-матрена, как изволит выражаться его сиятельство граф Корней Агеич. Помнится, сэр Майкл, после визита к чете князей туровских вы подыскивали себе место в одной из питерских психушек? Позвольте отдать должное вашей прозорливости, сэр. Актуальность вопроса не подлежит сомнению.

Вчера, если вы изволили обратить внимание, при посещении раненых один из них смотрел на вас так, словно намеревался осведомиться о вашем душевном здоровье. Это когда вы, сэр, позвольте вам напомнить, завели с маэстро Артемием разговор о дамских головных уборах, употребляемых в тех регионах необъятной земли Русской, где упомянутому маэстро Артемию довелось побывать на гастролях.

Итак, сэр Майкл, в дурдом! В дурдом! Труба зовет!

Имеется, впрочем, и альтернатива: рассказать бабам о корсетах и бюстгальтерах, а потом пойти на реку и утопиться. Лед на Пивени уже слабый, вот-вот ледоход начнется, так что долго мучиться не будете. Смею вас уверить, сэр: Бог тоже мужчина, Он поймет вас и простит.

С другой стороны, сэр, есть смысл с радикальными решениями особенно не торопиться. Во-первых, интересно посмотреть, чем же это все закончится, во-вторых, не вы один мучаетесь, что истинно цивилизованного человека не может не радовать».

Мишкин «внутренний собеседник» был прав. Досталось-таки от баб и деду. Для решения проблемы дамского седла был привлечен шорник, тоже оказавшийся в числе новых холопов (умел Лавр подбирать кадры, не отнимешь). Седел он делать не умел, и ему, для ознакомления с предметом, было отдано на растерзание одно старое – из дедовых запасов.

Седло шорник успешно распотрошил, но дальше дело не пошло. По Мишкиной подсказке было решено отправить шорника «на стажировку» к ратнинским кожевенникам, а для переговоров был командирован дед. Вернулся он только вечером, пьяным вдрызг, озадачил публику безапелляционным заявлением, что лошадь от подобной срамотищи на спине обязательно сойдет с ума, и, с трудом удерживая вертикальное положение, направился в оружейную кладовую.

«Тенденция, однако! Вы не обратили внимания, сэр Майкл, на то, что лорд Корней после каждого случая неумеренного употребления горячительных напитков обязательно направляется в арсенал? Возможно, причина подобного поведения заключается вовсе не в милитаристских наклонностях господина сотника, а в том, что по соседству находятся апартаменты

нашей общей знакомой по имени Листвяна? А что вас, собственно, удивляет, сэр? Как писал классик: “Любви все возрасты покорны!”»

Единственным мужчиной, не испытывавшим никаких неприятных ощущений от мобилизации на портновские работы, оказался Лавр. Задание на изготовление металлической фурнитуры для дамских туалетов он, по-видимому, воспринял в качестве новой увлекательной технической задачи и принялся за ее решение с энтузиазмом истинно творческой личности. Увы, сочетание этого энтузиазма с технологическими возможностями XII века грозило увеличить вес дамского облачения где-то на килограмм, из расчета на одну персону.

Как известно, человек такая скотина, что привыкает ко всему. Постепенно оставил мысли о корсажных изделиях с суицидом в придачу и Мишка. Поспособствовало этому одно, совершенно случайно найденное, удачное решение.

Окончательно убедившись в своей неспособности вообразить, как и из чего можно сделать цилиндр, полагавшийся к амазонке в качестве головного убора, Мишка вспомнил об испанской мантилье, которая накидывалась на голову поверх специально для этого предназначенного высокого гребня. Нарисовать этот гребень труда не составило (Мишка однажды видел его на какой-то выставке), а подключенный матерью к работе холоп – резчик по дереву – выполнил заказ уже на следующий день.

Да, гордые испанки знали, что делали! Мишка сам поразился тому, как преобразилась Мария, воткнув гребень в узел волос на затылке и накинув на него большой платок из тонкого полотна. Изменилось все: осанка, выражение лица, поворот головы, даже, кажется, голос.

Обновку перемерили все женщины по очереди, и, хотя они могли видеть свое отражение только в кадучке с водой или начищенном серебряном блюде, вывод был однозначным: в Турове все бабы лопнут от зависти. Решение оказалось удачным не только с точки зрения эстетики, но и по идеологическим параметрам. Средневековая мода, что в Европе, что на Руси, требовала от женщин укутывать голову весьма тщательно.

Удивительного в этом ничего не было. На исходе первого тысячелетия нашей эры климат в Европе резко посуровел. Еще в девятом веке на всей территории Англии вызревал виноград, а Гренландия, по крайней мере ее южная часть, была покрыта лесами (оттуда, кстати, и название «Зеленая страна»). А уже в одиннадцатом веке в Европе зимой трещали морозы. В замках и башнях с незастекленными окнами (хоть и совсем маленькими) и без того гуляли сквозняки, а уж когда температура стала опускаться ниже нуля... У мужчин вошли в моду головные уборы с наушниками, а женщины принялись накручивать на голову материю в несколько слоев.

Сказали свое веское слово и санитария с гигиеной, вернее, их полное отсутствие. Стада вшей и других паразитов кормились не только на телах простолюдинов, но и на телах дворян, даже на особах королевской крови. Плюс бесконечные эпидемии.

Все это настолько негативно сказывалось на внешности, что зачастую с рожами прекрасных дам по части чистоты, нежности и благообразия запросто могла посоперничать подметка солдатского сапога (если не была очень уж стоптанной).

Естественно, подобные изъязны необходимо было как-то прикрывать, а против тех, кому повезло, например, не подхватить ветрянку и сохранить приятную внешность, тут же пускались в ход обвинения в нескромности, безнравственности, развратности и... Понятно: прекрасные дамы в способах устранения конкуренток не стеснялись никогда.

Святая же Церковь подобную строгость нравов (пусть и вынужденную) только приветствовала. Женщина есть сосуд греха, а потому упаковывать сие средоточие мерзостей необходимо максимально тщательно, и лучше, если в несколько слоев. Во избежание!

На Руси с ее традициями ежедневного умывания и регулярных банных процедур дела с гигиеной обстояли гораздо лучше. В домах тоже было теплее и чище. Но эпидемии славян не щадили, уродины симпатичных конкуренток не щадили тоже, а отношение православных

святых отцов к «сосудам греха» практически ничем не отличалось от отношения их католических коллег.

Именно поэтому легкомысленная шляпка, обернутая кисеей, запросто могла быть объявлена порождением Князя Тьмы и предана анафеме под аплодисменты «общественного мнения». Мантилья же, выдержавшая даже испанские строгости, скорее всего, не должна была вызвать нареканий и у православных ревнителей нравственности.

Впрочем, проблем могло возникнуть вполне достаточно и без легкомысленных шляпок. Когда платья были все-таки сшиты (Машке – амазонка, Аньке – просто платье, но на кринолине), Мишка, глянув на сестер, испытал что-то вроде легкого шока.

Глаз уже привык к свободно ниспадающим одеяниям, в основном широким, прямого покроя длиннополым рубахам, перехваченным в талии ремешком или вышитым поясом, начисто скрадывающим очертания фигуры, кроме, разумеется, такой, как у тетки Алёны – такое не спрячешь. Поэтому приталенные, с узким, подчеркивающим грудь лифом платья вызывали... Мишка, например, вспомнил далекие шестидесятые годы и свои ощущения от впервые увиденной девушки в мини-юбке.

«М-да, гроздь женихов на заборе, пожалуй, еще не самое страшное, сэр. Как бы нам массовых беспорядков в столице не спровоцировать».

– Проклянут, мама, от Церкви отлучат, – попытался Мишка высказать свои опасения, – плетью из города погонят...

– Нет, Мишаня, не проклянут, – мать тонко улыбнулась и еще раз окинула довольным взглядом плоды своих трудов. – И из города не погонят. Княгиня тоже женщина... и ближние боярыни.

– Да один отец Илларион всех твоих боярынь...

– Пусть только попробует. Поломанные кости в языческой ловушке ему райским наслаждением покажутся. Только он рисковать не станет – не дурак.

* * *

Как заметил умница Экклезиаст: «Все проходит», закончился наконец и Мишкин домашний арест. Однажды утром, когда Мишка излагал деду очередной прожект, в горницу сунулась материна сенная девка Жива и сообщила, что пришел Илья и принес какое-то известие, но в дом зайти стесняется. Дед и внук, оба хромя на правую ногу, выбрались на двор под весеннее солнышко.

– Здорово, Илюха! Давно не виделись! – поприветствовал обозника дед.

– Здрав будь, Корней Агеич, здравствуй, Михайла. Вот, на службу пришел, Бурей меня отпустил.

– Так служить пока нечего, – сотник Корней сожаляющее развел руками. – Может, новости какие есть?

– Новости есть, – бодро отозвался Илья. – Афоне жена чуть второй глаз не выцарапала: и за распутство, и за то, что холопов упустил. Он ей про серебро, а она монеты в кашу высыпала, «жри», говорит.

– Кхе, сурово... А и поделом! Чего еще нового слышно?

– А еще: у Михайлы рука легкая оказалась – Афону теперь иначе как кобелем и не кличут. А бывает, что и кривым кобелем.

– Кривой кобель – это... Кхе! Смачно! Умеет народ назвать. Долго еще пустомелить будешь? Не с этим же пришел?

– Правда твоя, Корней Агеич, не с этим. Ты вот недавно Михайлу к волхве посылал.

– Ну да? – ненатурально изумился дед. – А зачем?

– Как «зачем»? У нее деревня пустует, а тебе холопов девать некуда... Ой!

Илья испуганно прикрыл рот ладонью, а дед сокрушенно покачал головой:

– Всё знают, ну что ты поделаешь? Ну и что же она мне ответила?

– Так кто ж знает? С другой стороны, холопов ты к ней не ведешь, так что, по всему выходит, она тебе отказала. Тем более, что и знамена нынче на том берегу объявились.

– Какие знамена?

– Обыкновенные – на дереве затес сделан, а на затесе знак выжжен.

– Что за знак? – деловито осведомился дед, сразу же став серьезным и сосредоточенным.

– Неведомо! Таких знаков никто никогда не видел.

– Ну-ка изобрази, вон около стены земля оттаяла.

Илья нацарапал щепочкой что-то отдаленно напоминающее знак равенства, только с очень толстыми черточками. Даже не черточками, а, скорее, сильно вытянутыми прямоугольниками. В середине каждого прямоугольника имелся полукруглый вырез.

– Кхе... И я не видел. Михайла, что скажешь?

– Не знаю, деда, что-то знакомое, но никак не соображу. Вообще-то есть правило: чем проще знак, тем древнее род.

Дед снова принялся допрашивать Илью:

– Когда, говоришь, знамена появились?

– Сегодня с утра заметили. Видать, ночью ставили.

– Ночью выжечь, и чтобы дозорный не заметил? – усомнился Корней.

– Да, без огня не выжжешь, – согласился Илья. – Значит, вчера.

– От кого вчера дозорные были?

– Десяток Фомы вроде бы.

– Совсем распустились, у них под носом... Илюха, ты служить пришел? Тогда быстро ко мне Фому зови!

В этот момент Мишка все-таки понял, что напоминает ему нацарапанный Ильей знак.

– Вспомнил, деда! Знаю, что это такое! Ярмо, в которое быков запрягают!

– И правда, Корней Агеич, похоже на ярмо, – приглядываясь к собственному рисунку, поддержал Мишку Илья.

– Кхе... Ярмо разъятое, – дед поскреб в бороде и вдруг озабоченно нахмурился. – Проманхнулись мы с тобой, Михайла. Тут не тридцатью коленами пахнет, а как бы и не сотней...

– Две с половиной тысячи лет? Не может быть!

– Может, Михайла, очень даже может... Удивительно, конечно, даже жуть берет, как подумаешь, но может.

– Деда, ты о чем это?

– Сказка, конечно, языческая, и христианам ей верить не след, однако же в те времена никакого христианства еще и в помине не было... Знаешь, откуда у людей ремесла и знания появились?

– Ну...

«Не желаете ли, сэр, процитировать сочинение господина Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства”? Не желаете? Ну и молчите в тряпочку!»

– Не знаю, деда.

– Кхе... В незапамятные времена, когда люди жили в дикости, землю не пахали, ремесел не знали, городов не строили, Сварог сбросил с небес на землю три золотых предмета: ярмо, чашу и то ли серп, то ли топор – по-разному рассказывают. Люди те предметы подобрали и через это постигли разные умения и ремесла. Кхе... Так вот, если на знаменах – то самое ярмо... Понимаешь?

– Понимаю, деда... Но это же – согласие! – осенило Мишку. – Ниня нам показывает истинную древность своего рода, чтобы понимали. И в то же время... Мы признали ее боярские

права, в том числе на земли и знамена, а она показала, что признает наше признание... то есть...

– Заблудился ты языком, Михайла, но мыслишь верно.

– Надо, деда, тебе к Нинее ехать.

– Погоди, такие дела суеты не терпят, опять же с беспорядком разобраться надо – Фоме мозги вправить. Вот что, Илюха, зови-ка ты ко мне всех десятников. И Аристарха тоже. Зачем зову, не говори, позвал, мол, и все. Кроме Аристарха – ему обскажи, пусть подумает, как будем Фому наказывать.

– Корней Агеич, – спохватился Илья, – так не все еще про знамена-то!

– Чего ж молчишь-то?

– Так мудрость послушать когда еще доведется...

– Илюха!!!

– Да... Это самое... Собака там. На шее вроде бы грамотка берестяная привешена, но никого к себе не подпускает. И не уходит – ждет чего-то.

– Деда, это, наверно, одна из Нинеиных собак, – догадался Мишка, – они меня знают.

– Ну так не стой, верхом-то сможешь?

– Боюсь ногу разбередить.

– Тогда в санях, грязища, конечно, но проедешь. На лед не выезжай, по мосткам пешком пройдешь. Давай-давай, не тяни! А ты, Илюха, зови десятников. Хотя... Михайла, я с тобой поеду, надо самому на знамена глянуть. Илюха, не стой! Чтобы к моему возвращению десятники здесь были!

На другом берегу Пивени действительно оказалась одна из Нинеиных собак. Узнав Мишку, она энергично завиляла хвостом и, подбежав, отвернула голову в сторону, подставив открытую шею – знак полного подчинения у собак и волков. Мишка вытащил из веревочной петли свернутую в трубочку бересту и протянул «почтальону» специально припасенный кусочек мяса. Собака сглотнула угощение, еще раз вежливо вильнула хвостом и потрусилась домой.

– Михайла! Ну что там?

Дед специально, чтобы не отпугнуть собаку, остановился на середине мостков.

– Ниней Роську зовет!

– Зачем?

– Не написано!

– Погоди, сейчас подойду!

Дед подошел, забрал у Мишки бересту и, по-стариковски дальнозорко отставив грамотку, прочел:

– Пришли Ёшу. Что за Ёша?

– Ниней дозналась, что Роська ятвяг и что мать звала его Ёша.

– Надо же! Ятвяг... – Кажется, дед уже начал привыкать к постоянным сюрпризам, порождаемым внуком, и удивился не очень сильно. – И зачем он Нинее понадобился?

– Я думаю, она твоего приезда ждет и хочет принять честь по чести, значит, кто-то должен тебя у порога встретить, в дом провести, всякое уважение оказать. Самой боярыне Гредиславе, наверно, невместно тебя на улице встречать, а кроме малышни, у нее никого нет. А Роську она уже знает, парень смысленый.

– Кхе, может, и так. Давай-ка на знамена глянем.

По обеим сторонам дороги, начинавшейся от берега Пивени, на стволах двух самых крупных деревьев были сделаны затесы и выжжены знаки «разъясное ярмо».

– Вот ты, Михайла, говоришь, что у Нинеи никого, кроме малышни, нет. Кто ж тогда эти знамена ставил? Не сама же она тут топором махала?

– Да, деда, интересно...

– Куда уж интереснее. Кто-то ей поля жнет, кто-то дома в порядке содержит, теперь вот знамена. Помнится, ты грозился, что Младшая стража выследит, разузнает... Не раздумал?

– Не раздумал.

– Ладно, поехали домой.

– А Роська?

– А что Роська? Попросила боярыня – отправим. Пошли, пошли – десятники уже собрались, поди.

«Итак, сэр Майкл, еще одна загадка в общую копилку. Разобраться вы, конечно, лихо пообещали. Однако позвольте вам заметить, что бывают загадки, которые лучше не разгадывать: “меньше знаешь – крепче спишь”, а то и “дольше живешь”. Нет, эту загадку разгадывать надо. Конечно, ни о каком крупном восстании язычников сведений до двадцатого века не дошло, но вдруг все-таки было?»

Есть тут одна географическая заковыка. Пинск есть сейчас и есть в двадцатом веке. То же самое и со Слуцком, Мозырем, Минском, Витебском и Полоцком. Есть сейчас еще и Клец. А в двадцатом веке – не знаю. И это все – северная часть Турово-Пинского княжества или Полоцкое княжество. А вот южнее Припяти... Туров превратился в захолустье. Черторыйск, Дрогобуж и Пересопница в двадцатом веке, если не ошибаюсь, отсутствуют. А вот Шепетовка и Сарны есть в двадцатом веке, но отсутствуют сейчас.

Такое ощущение, что южнее Припяти все как будто смело метлой или очень сильно повредило. А потом здешние места осваивались заново. Прямо уверуешь, что Чернобыль на этих землях не первая катастрофа. А если восстание все-таки было и Рюриковичи осуществили здесь тактику «выжженной земли»?

Европейские хроники, византийские хроники... Привыкли мы в двадцатом веке, что «Голос Америки» и «Радио Свобода» знают все чуть ли не лучше нас. А если не осталось свидетелей? Заросло все лесом, затянуло болотами. Могли Рюриковичи объединиться для подавления серьезного восстания? Против татар не смогли, но до этого еще сто лет дробления, междоусобиц, разложения.

Допустим, пока они на объединение еще способны. Удар с четырех сторон: с севера – полочане, с востока – черниговцы, с юга – киевляне, с запада – волыняцы. «Регулярные части» профессионалов против лесовиков. Вон Илларион – всего двумя сотнями, не зная местной специфики, попадая в засады и ловушки, разнес не то два, не то три городища и неизвестно сколько мелких поселений. Это Кунье городище было хоть как-то укреплено, а вообще-то тын вокруг древних поселений вещь редкая – достаточной защитой являются сами лесные дебри да болота. К большинству городищ можно добраться только по воде или зимой по льду. Есть, конечно, тайные пути и по суше, но знают о них немногие. Впрочем, как доказала экспедиция Иллариона, добыть эту информацию можно, и, если Рюриковичи возьмутся за дело серьезно, никакие леса не уберегут.

От Иллариона небольшая часть населения сумела сбежать, но им было куда бежать, а если обложат со всех сторон... Трупы и обгорелые развалины, а уцелевших – в холопы. Через пару десятков лет на месте деревянных построек не останется вообще ничего.

Что можно этому противопоставить? Два момента: крепкую свару между Рюриковичами и профессионально подготовленную, хорошо вооруженную армию.

Крепкая свара... Она будет, только вот когда? Владимир Мономах при смерти. Мужиком он был крутым, половцев драл, как помойных котлов, так что всю эту оппозицию Мономах задавил бы, вопросов нет. А преемник? Кто он? Допустим, боярин Федор прав, и в Киеве сядет Мстислав – сколько лет он еще править будет? Ничего не знаю – как слепой. Может, с него чехарда на киевском столе и начнется?

Помнится, был период, когда киевские князья менялись как перчатки. Когда это начнется? Через год или через пятьдесят лет? Если через год, тогда возможно все, вплоть до

попытки языческого восстания. А если через пятьдесят... Меня это уже не колышет. Были какие-то выступления волхвов, но когда? Ни хрена не помню, да и вряд ли в летописях писали правду... Что ж я еще-то про этот период знаю?

Да! Во время этой чехарды на киевском столе Юрий Долгорукий успел там недолго посидеть, даже, кажется, дважды. Ну и что мне это дает? Когда я еще был ТАМ, праздновали восьмисотпятидесятилетие Москвы. В каком году? Кажется, в 1997-м, значит, Москву основали в 1147-м. Будем считать, что так. Значит, осталось двадцать два года. Возраст городов у нас считается не от действительного основания, а от первого упоминания в документах. Где-то я читал, что Москва упомянута как раз в письме самого Долгорукого: кого-то он в гости приглашал... даже текст вроде бы помню: «Приди ко мне на Москву».

Мог он быть в это время великим киевским князем? Мог! И был он в этой чехарде на киевском столе далеко не первым и не последним – где-то в середине списка. То есть за оставшиеся двадцать два года власть в Киеве сменится четыре-пять раз.

Это если я насчет Юрия Долгорукого не ошибаюсь. А если ошибаюсь? Почему он на киевском столе дважды сидел? Выгоняли? Тогда кто? Долгорукий – сын Мономаха, а мать говорила, что Мономах сел в Киеве незаконно – династическое старшинство было за кем-то из черниговских князей. Да! Помню, что-то такое не то в школе проходили, не то сам где-то читал: многолетняя вражда между Мономашичами и Ольговичами.

Неужели начинается? И какие-нибудь волхвы, просчитав полученную через свою аген-туру информацию, сочли обстановку для себя благоприятной? А я, умный такой, все это вычислил, обладая минимумом информации?

Много о себе представляете, сэр Майкл. Не знаете вы, любезный, истории своей страны. А раз «плаваете» в теории – будете изучать ее на практике, если выживете, разумеется. И все! Большие мне тут ловить нечего: знаний – крохи, и из этих крох большую часть забыл. И не хрен мозги зря мозолить!

Единственный вывод: первое необходимое условие успешного восстания язычников – свара между Рюриковичами – может иметь место в ближайшие десять – пятнадцать лет.

Второе условие – наличие профессиональной армии. «Людей в белом» где-то подготовили. Уровень подготовки – очень хороший, но это уровень разведчиков-диверсантов – «штучный товар». А требуются профессионалы для регулярных частей, причем в массовом порядке. Ни в каком тайном лесном убежище такую армию не создашь. Нужны не только тысячи людей, но и нехилая материальная база. Нужна, в конце концов, боевая практика, без нее настоящего воина не подготовишь.

Нет, не выходит. Если с первым условием нет ясности только по срокам, то со вторым условием нет ясности вообще по всему. А лапотникам с дрекольем да охотникам без доспехов никакая свара в княжеском роду не поможет. Вот если бы у язычников была бы хорошая учебная и материальная база...

Блин!!! Наша воинская школа! За десять – пятнадцать лет здесь такого навалить можно! Нинея запросто может приказать нескольким десяткам отроков притворно принять христианство, пройти полный курс обучения, может быть, остаться при школе инструкторами или поступить на воеводскую службу. Набраться опыта, у кого выйдет – приобрести командные навыки... Каждый из таких ребят сможет обучить несколько десятков других, а те, в свою очередь, еще несколько сотен.

За десять – пятнадцать лет поднакопить оружия, обучить своих оружейников... Да нет же, все готовое можно получить: мы же здесь собираемся настоящий военный городок создать. С учебной базой, с мастерскими, со стратегическими запасами.

Да, сэр, вот так оно и бывает: целк – и мозаика сложилась. Дед готовит из меня своего преемника – командира чего-то, что, конечно же, будет больше, чем просто сотней. Илларион видит во мне, опять же, командира – магистра, коннетабля, маршала или кого-то в этом же

роде – Православного рыцарского ордена. Ниня собирается сделать из меня если не вождя, то кого-то из верхушки языческого восстания. Все хотят примерно одного и того же, но вкладывают в это совершенно разный смысл».

– Здрав будь, Корней Агеич! – раздался рядом голос десятника Фомы. – Чего звал-то?

«Ну, блин! На самом интересном месте... Подумать не дадут».

– Здорово, Фома! – отозвался дед. – Непорядок у тебя в десятке. Вчера твои люди в дозоре были?

– Мои. А что такое? Я проверял, никакого беспорядка не заметил.

– А знамена на том берегу?

– Так это у Аристарха спрашивай, его холопы вчера там ковырялись.

– Кхе... Вот оно что. Ладно, у него и спрошу. Давай ко мне, там все десятники сходятся, разговор есть.

«А ларчик просто открывался... Ну да, холопы старостики Беляны осенью Нинее дрова заготавливали, теперь вот знамена соорудили. Похоже, первая леди Ратного у баронессы Пивенской на подхвате обретаётся. То-то она не христианским именем зовётся, а родовым. О, сколько вам открытий чудных... сделать ещё предстоит, сэр».

* * *

– Так, други любезные, разговор у нас будет важный, а потому располагайтесь поудобнее и слушайте, что я вам буду рассказывать.

Десять мужей атлетического телосложения свободно, не теснясь, расположились за обширным столом в просторной горнице нового здания на лисовиновском подворье. Кроме старосты Аристарха, пришли все действующие десятники, за исключением Тихона, и Данила с Анисимом, хотя последние двое числились в должностях лишь номинально. Отказался прийти только Глеб, видимо, распроставшийся со своим десятичеством, не дожидаясь обозначенного сотником срока.

Дед величественно возвышался во главе стола и, по всей видимости, приготовился к произнесению длительного монолога. Мишка за стол не полез – пристроился в уголке, но старался выглядеть так, словно его присутствие здесь – дело совершенно естественное. Десятники косились на него, но ни вопросов, ни комментариев по поводу Мишкиного присутствия никто себе не позволил – похоже, возвращение сотника Корнея к выполнению своих обязанностей личный состав уже прочувствовал надлежащим образом и до глубины души.

– Настало время, господа начальные люди, сказать вам следующее, – голос деда живо напомнил Мишке первую реплику комедии Гоголя «Ревизор»: «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие...» – Покойный великий князь киевский Святополк Изяславич, – вещал дед, – незадолго до своей кончины возложил на меня попечение о Погорынской земле. Земля эта должна была с того дня зваться воеводством Погорынским, а я – погорынским воеводой. Все вы были на Палицком поле и знаете, какая там со мной приключилась беда. Из-за нее я на Погорынское воеводство встать не смог, и говорить об этом тогда смысла не имело. Теперь же, получив от нынешнего князя туровского Вячеслава Владимировича благословение на командование сотней, счел я правильным принять на себя и воеводские заботы по повелению покойного князя Святополка Изяславича.

– Выздоровел, значит?

По голосу десятника второго десятка Егора было не понять: то ли он язвит, то ли просто констатирует факт.

– Выздоровел, Егорушка, выздоровел. А если сомневаешься, то у Пимена спроси, он тоже вроде бы как сомневался.

Дед воинственно выставил вперед бороду и вперился глазами в Пимена. Тот криво ухмыльнулся и, видимо совершенно произвольно, прикоснулся рукой к левому уху, все еще не восстановившему нормальный цвет и форму.

– И грамота, наверно, княжья имеется?

– Егор!!! – Лука грохнул по столу кулаком. – Тебе что, гривны княжьей мало? Совсем очумел?

– Ты тут кулаками не стучи! – завелся с пол-оборота Егор. – Я тебе не мальчишка! И кто из нас очумел, еще неизвестно. Холопов нахватили так, что запихнуть некуда, щенок его по селу с самострелом носится, честным ратникам грозит, деньгами швыряется, сюда вон тоже приперся...

Егор, все повышая и повышая голос, начал медленно подниматься из-за стола. Лука, багровея лицом, точно так же начал подниматься ему навстречу. Голос у Егора уже начал срываться на крик:

– За серебро у кого-то из бояр в Турове гривну сотничью купил и думаешь: теперь все можно? Прихлебателям своим – добычу, а нам шиш? А вот мы еще посмотрим...

Лука, перегнувшись через стол, схватил Егора за бороду и дернул к себе. Егор, от неожиданности потеряв равновесие, упал вперед, едва успев упереться в стол локтями. Дальше все завертелось с калейдоскопической быстротой: десятники повскакивали с лавок один за другим, Фома попытался дотянуться до Луки и тут же получил в ухо от Данилы, хотел дать сдачи, но Игнат дернул его сзади за ворот, и Фома, запнувшись о лавку, повалился на пол. Игнат, многозначительно положив руку на рукоять ножа, встал между Фомой и дедом. Леха Рябой навалился на Анисима, не давая тому подняться с лавки, а Лука все-таки дождал Егора, опустив тому голову до самой столешницы.

Лишь один Пимен остался сидеть и тем самым привлек к себе Мишкино внимание. Его спокойствие было совершенно непонятным.

– Пимка, что ж ты?.. – Егор уже не говорил, а хрипел – железная рука Луки медленно выворачивала ему голову. – Пим... ка...

Все еще неподвижно сидевший Пимен, незаметно ни для кого, кроме Мишки, опустил руку и потянул из-за голенища засапожник. Мишке скрытность была не нужна, поэтому он действовал быстрее: кинжал мелькнул в воздухе и пригвоздил рукав рубахи Пимена к лавке. Тот мгновенно разжал пальцы, и засапожник провалился обратно за голенище. Мишка встретился с ненавидящим взглядом Пимена и неожиданным даже для самого себя голосом, больше похожим на змеиное шипение, выдохнул:

– Только шевельнись, падла, у меня еще два есть.

Получилось, по всей видимости, убедительно: Пимен замер, не пытаясь даже высвободить рукав.

– А-а-ах-х!!!

Непонятно откуда взявшаяся у деда секира очертила почти идеальный полукруг и с хрустом врезалась в середину столешницы. Все замерли. Было непонятно, что отрубил дед: то ли нос Егору, то ли пальцы Луке. В наступившей мертвой тишине Лука шумно выдохнул и брезгливо отбросил в сторону клочок Егоровой броды. Старый вояка не промахнулся, лезвие не задело ни Луку, ни его противника, если не считать бороды Егора. Однако топор не бритва – часть волос была перерублена, а часть вмята в древесину и заклинена там, и Егор так и остался лежать щекой на столе, раскорячившись руками и ногами, как краб.

– Ну что, наигрались, детишки? – Дед, стучая деревяшкой, обошел стол и ухватил Егора за ухо. Тот, распыленный между бородой, зажатой лезвием секиры, и дедовыми пальцами, беспощадно тянущими за ухо, зарычал сквозь стиснутые зубы. – Наигрался, спрашиваю, или еще желаешь?

– Пимка... сука...

– Еще какая! – охотно согласился Корней. – Истину глаголешь, Егорушка. И что же он тебе наобещал?

– Убью... змея... подколодного...

– Ну зачем же, Егорушка? – Этот «ласковый» тон деда был знаком Мишке, от него так и несло смертью. – Так уж сразу и убивать? Христос прощать велел. Ну разве что для науки: зубки там повыбивать... вежливо, ребрышки поломать... ласково. А больше ничего и не надо. Михайла, внучек, чего у него там? – Дед указал бородой в сторону Пимена.

– Засапужник.

– Ну вот, не топор же. Ты, Пимушка, сходи в церковь да свечечку за здоровье Михайлы поставь. Мог же паренек и по горлышку тебя чиркнуть.

Рукав у Пимена медленно намокал кровью, Мишкин кинжал все же зацепил руку десятника. Дед отпустил ухо Егора и, сокрушенно вздыхая, покачал топорщице, вытаскивая лезвие из толстой доски столешницы. Егор облегченно вздохнул, поворачивая голову в естественное положение, и тут же испуганно дернулся, теряя равновесие и падая на пол. Обух секиры ударил в стол прямо перед его лицом.

– Бунтовать?!! Говноеды!!! Сотника лаять!!! Роська!!!

В горницу, чуть не сорвав дверь с петель, влетел Роська, держа в обеих руках взведенные самострелы. Лицо у него было таким же, как в том переулке, где он добил кистенем раненого татя. Мишка цапнул у него один из самострелов и вопросительно уставился на деда.

Дед ткнул пальцем в Егора и Пимена:

– А ну на пол!!! Оба!!! Минька, бить в них, чуть только шевельнутся!

Егор и Пимен распластались на полу, а дед, прыгая на деревяшке, принялся пинать их здоровой ногой в головы. Десятники только мычали, не решаясь даже прикрыться руками: два самострела смотрели им прямо между лопаток.

– Корней, будет! Лучше уж сразу добить.

Лука подхватил деда под руку и оттащил от лежащих.

– Ладно, Лука, будь по-твоему. Данила, Лука говорит: добить. Ты что скажешь?

– Добить!

– Леха?

– Пимена добить, Егорка – дурак, пусть живет.

– Фома?

– Тогда уж и меня добивай, старый хрен!

– Хрен я, конечно, не новый... – дед на мгновение задумался, потом приказал: – Данила, врежь-ка ему еще разок.

Хрясь! Фома опять шлепнулся на пол.

– Фома, надо понимать, против, – прокомментировал дед и продолжил опрос десятников. – Анисим?

– За бунт – смерть, но и ты, Корней...

– Значит, добить, – утвердил сотник. – Игнат?

– А бунт-то был, Корней Агеич? Оружия я ни у кого не видел, кроме тебя.

– А засапужник?

– Так не достал же.

– Двое против, – подвел итог опроса дед. Потом глянул на лежащих на полу Егора с Пименом и добавил: – и эти двое, конечно же, тоже.

– Батюшка Корней, Христом Богом!

Пимен брызгал кровью из разбитого рта, извиваясь на полу, как змея. Попытался ползти и ухватиться за сапог сотника.

– Нет, Пимка, один раз я тебя уже простил. Ребятки, бей в него!

Роська выстрелил не задумываясь. Мишка чуть поколебался, но нажал спуск, хотя было это уже бессмысленно – Роськин болт ударил Пимена в затылок, прошел навывлет и вонзился в пол возле дедовой ноги. По привычке Мишка тут же упер самострел в пол и нажал ногой на рычаг. Рядом шелкнул самострел Роськи.

– А ты, Егорушка, подумай, как хитрецы дураков, вроде тебя, вперед выставляют, чтобы из-за их спины ножом полоснуть, да еще чистенькими потом остаться. За то, что сотника облаял, – вира. Три гривны отдашь Аристарху. В другой раз убью. Садитесь, ребяташки, разговор еще долгим будет.

– Корней Агеич, – Игнат кивнул на труп Пимена, – прибрать бы...

– Пусть лежит. Вместо него нового десятника еще не выбрали, и я его не утвердил. Кхе! Пусть слушает, может, еще и посоветует чего полезного.

«Блин, ну натуральный мафиозо дон Корлеоне. Или злодей из мексиканского сериала – сначала поизмывался, потом приказал прикончить. Нет, падре Мигель, пролетаете вы со своим диагнозом, были бы мы берсерками, тут бы сейчас трупы штабелями лежали.

А десятники-то сериалов не смотрели, на них спектакль подействовал, вон как на деда плятятся. Вообще-то, нечто подобное сейчас происходит по всей Европе – именно так какой-нибудь «Рейнский Потрошитель» или «Пьер Живорез», грохнув конкурента и крепко пугнув остальных подельников, становятся бароном фон Шварцвальд или маркизом де Мон Плезир.

Если я прав, то прямо сейчас, над неостывшим еще трупом, под графа Погорынского должна начать формироваться новая иерархия.

– Фома, а у тебя-то с чего шило в заднице завелось? – подал голос Лука Говорун. – Ладно, Егора Пимен накрутил, а тебя кто?

«Ага, Лука “столбит” за собой место “второго человека в команде”. Как говорилось в одном мультфильме: “Птица Говорун отличается умом и сообразительностью”. Процесс пошел».

Фома, все еще сидя на полу и опустив голову, угрюмо молчал. Вместо него голос подал Анисим:

– Его собственная баба крутит уже который день. Тогда на выручку сотнику ехать не отпускала, а теперь грызет за то, что не поехал и без добычи остался. И язык укоротить нельзя – на сносях, родит скоро. Бабы в эту пору с головой не дружат.

«Торопливое многословие, хотя тебя и не спрашивают. Все, шер ами Анисим, ходить вам в шестерках, причем не у первого лица, а у Луки. Испугался, что заподозрят в сговоре с Пименом, и в несколько секунд определил свою роль на много лет вперед».

– А ты-то чего суетился, Аниська? – отозвался Лука. – Спасибо, Леха – мужик спокойный, только придержал, а мог бы и приложить крепенько.

«Вот, уже Аниська, а не Анисим, сейчас Лука его дожмет».

– Так это... Все повставали, и я...

– Повставали, да по-разному! – Лука неторопливо поправил свои длиннющие рыжие усы. – Вон Игнат тоже встал: руку на нож и сотника с боку прикрыл. А Данила даже и вставать не стал, сидя Фома приголубил.

«Силен дядька Лука – все заметил, все оценил, хотя можно было подумать, что он только Егором и занят. Сейчас он должен что-нибудь сказать деду. Все равно что, лишь бы зафиксировать свое положение второго человека, мол, напрямую с сотником общается только он, а остальные – более низкий уровень».

– Корней, а надо ли было ребяток-то?... – Лука качнул головой в сторону Мишки и Роськи. – Что ж, мы сами не справились бы?

– Надо, Лукаша, надо. Егор по дурости, с Пимкиной подначки затеял драку, Пимка под шумок надумал меня зарезать, а пацаны его болтами истыкали...

«Ага, “официальная версия событий для средств массовой информации”. Извольте, господа, именно так на публике все и излагать».

– ...И пусть знают, – дед повысил голос, – Лисовиных так просто не изведешь! Сейчас у меня четверо таких отроков, а к осени будет полсотни, и каждый за лисовиновский род хотя бы одного злыдня на тот свет да отправит!

«Так, заявка Луки на роль первого зама принята, а сейчас надо его тормознуть, чтобы много о себе не воображал».

– А чего это, Лукаша, я твоего Тихона не вижу? – поинтересовался дед. – Званы были все десятники, где же твой племян?

– Меньшого своего к Настене понес, пацан щами ногу обварил.

– Ладно, садитесь все.

«Внимание, сэр Майкл, сейчас будем наблюдать результаты “перестройки”. Так, по правую руку от деда занял почетное место “чиф мэйт” Лука Спиридоныч, по левую – “либер фройнд” Данила. Рядом с Данилой – Леха Рябой, рядом с Лукой – Игнат. На икентеле – Анисим и Егор, появится Тихон – окажется там же».

– ...за честность, разумность и воинскую доблесть жалую вас воеводскими боярами! – за размышлениями Мишка пропустил начало дедовой речи, а уже, оказывается, началась раздача наград за верность и преданность. – С правами на земли, знамена и на передачу всего по наследству.

– Благодарствуем, Корней Агеич!

Новоиспеченные бояре встали и низко поклонились, касаясь правой рукой пола. Данила глянул на деда глазами собаки, у которой прямо из пасти выхватили мозговую косточку, и потупился. Егор, на лице которого уже явственно налились синяки, остался неподвижным. Анисим тоскливо отвернулся и напоролся взглядом на самострелы, все еще направленные в сторону сидящих за столом. Увиденное, похоже, не понравилось ему очень сильно. Он даже собрался было что-то сказать, потом, видимо, передумал, еще сильнее ссутулился и уставился глазами в стол.

– А тебе, Данила, поручаю дело, доселе для нас необычное. Будешь обучать пешее ополчение. В начале зимы, после Большой охоты, по первой пороше, соберешь всех годных для того мужиков и парней...

«Ну вот все и определилось, досточтимый сэр Майкл. Ратное еще ничего не знает, люди живут, как жили, а жизнь их уже изменилась. Его сиятельство граф Погорынский Корней Агеич вступил во владение феодем. Место старпома на корабле, отстранив Данилу, занял Лука. Он же – командир преторианцев. Тут же и его центурионы: Леха Рябой и Игнат. Элита сформирована. Данила, в силу обнаружившейся второсортности, списан в пехоту. А Егору с Анисимом – замаливать грехи. Анисиму, между прочим, еще и десяток себе где-то набирать».

– ...Пока они себе десятника вместо Пимена выберут, а я еще посмотрю, утвердить ли, – продолжал дед, – ты, Фома, умыкни-ка у них четырех человек. Их там пятнадцать... Кхе, уже четырнадцать, так что не обеднеют, а у тебя полный десяток соберется.

– О-хо-хо, хо-хо, грехи наши тяжкие, – донеслось из угла за спиной деда.

– Аристарх! – Корней обернулся на голос старосты. – Ты чего там затих в уголке, я про тебя чуть было не забыл!

– А и забыл бы, Корнеюшка, невелика беда. Тяжко мне, дела у вас какие-то непонятные начинаются. Стар я что-то стал, выбрали бы вы себе, ребятки, нового старосту. Пора мне на покой.

«Глава администрации, в свете произошедших событий, намылился в отставку. С чего бы это? Есть два варианта. Первый – предчувствие неизбежного конфликта между военной верхушкой и самой состоятельной частью населения Ратного. Да! Пимен же его родич – брат Пимена Семен на дочке Аристарха женат. Не хочет староста попадать между молотом и

наковальней. Вариант второй – поза обиженного: “Этим – боярство, а мне что? Раз так, то ухажу!” Интересно, как лорд Корней прореагирует?»

– Вот что, Репейка, справишь по мне тризну, тогда и о покое думать будешь! Мне еще твои охи слушать... Других дел нет. Молодых бы постыдился!

– Корней...

– Хватит, и слушать ничего не хочу!

«Репейка? Детское прозвище, что ли? И разговор о тризне... Понятно: мы с тобой на всю жизнь повязаны, и никуда ты от меня не денешься. Эзоп нервно курит в сторонке».

– ...Ну вот, вроде бы на сегодня все и обговорили. Ступайте все, кроме бояр и Михайлы.

«Ага, “...а вас, Штирлиц, попрошу остаться!” Поздравляю, сэр, вы сподобились присутствовать на первом заседании Боярской Думы административно-территориального образования Погорынье. А я-то тут на хрена? Кроме бояр в Думе... Кроме бояр... Опричь бояр... Блин!!! Опричник!!! Бешеный внучек, способный со своими подручными замочить кого угодно по первому приказу деда!»

Дед же ясно всем указал: к осени будет полсотни таких! Сочетание информационно-аналитической функции, функции устрашения и кузницы кадров. Опричнина, Третье отделение Жандармского корпуса и НКВД в одном флаконе. Блестящая карьера, сэр Майкл, поздравляю! Какой псевдоним желаете принять: Малюта Скуратов-Бельский, Граф Бенкендорф, Лаврентий Палыч Берия?»

– Михайла... Михайла! Ты что, уснул, что ли? Давай-ка, садись к столу.

Мишка перебрался за стол, скромно пристроился с краешка и уставился на деда. Воевода Корней горделиво выпрямился, уперся, оттопырив локоть, рукой в колено, окинул собравшихся орлиным взором и произнес историческую фразу:

– Значит, так, господа бояре, с сегодняшнего дня у нас начинается новая жизнь!

* * *

К официальному визиту в Нинеину весь дед готовился тщательнее, чем собираясь на пир к князю Вячеславу Владимировичу Туровскому. Долго обсуждал с невесткой список подарков, потом так же долго и тщательно подбирал упаковку. Сложности, которые он испытывал, были вполне понятны: с одной стороны, подарки предназначались женщине, с другой – боярыне, и разница была принципиальной. С боярином мужчиной все было бы просто – что-то из оружия и какую-нибудь посуду для употребления вовнутрь горячительных напитков: серебряную, золотую, а если и не из драгоценных металлов, то особо художественно оформленную.

После долгих обсуждений и споров питейную посудину было решено заменить на набор посуды, расписанной под хохлому, – аж шестнадцать предметов. По поводу оружия дед тоже впал в тяжелую задумчивость – бояре были воинским сословием, но одаривать-то предстояло даму. Не поднесешь оружия – оскорбишь боярское достоинство, поднесешь – что старухе с ним делать? Еще обидишь ненароком. В конце концов, дед остановил свой выбор на кнуте с рукоятью, красиво отделанной серебром.

* * *

Кнут тоже был оружием, причем весьма эффективным. Как Мишка помнил из школьного курса физики, выстрелоподобный щелчок, производимый кнутом, получается за счет того, что самый кончик кнута движется, при умелом щелчке, со скоростью, превышающей число М, – проходит звуковой барьер. Если же в этот кончик вплетено совсем небольшое по размеру и массе металлическое острие, то убойная сила его приближается к убойной силе ружейной пули.

Вообще-то, для русских воинов кнут был оружием нехарактерным, но в ратнинской сотне пользовался широчайшей популярностью. Как гласила легенда, много лет назад, в одной из схваток с уграми, сразу несколько человек пострадало от ударов умельца, вооруженного вроде бы несерьезным пастушеским инструментом. За давностью лет, список травм и ранений, полученных ратнинцами, разными рассказчиками приводился разный, но во всех вариантах перечислялись выбитый глаз, поломанные руки и ноги, убитые под ратниками кони и один покойник, которого даже бармица не спасла от перелома шеи.

Относительно имени сотника, командовавшего тогда ратнинцами, рассказчики тоже расходились во мнениях, но действия его описывали примерно одинаково: сотнику хватило ума и хладнокровия приказать взять угорского умельца живым, оглушив его тупой стрелой. Тупые стрелы нашлись, но угр оказался настолько ловок, что оглушить его удалось только с третьей или четвертой попытки.

На следующий день пленнику было сделано предложение: жизнь и свобода в обмен на обучение ратninцев изготовлению и использованию боевых кнутов. Угр предложение принял, и с тех пор кнут стал частью штатного вооружения ратнинской сотни – не меньше половины ратников возили у седла свернутые в кольцо кнуты, и почти в каждой десятке имелся умелец, способный ловким ударом смять или даже, при особой удаче, сломать кольчужное кольцо на броне противника. Такой удар если и не выводил воина из строя вообще, то резко снижал его боеспособность наверняка. Если же под острие, вплетенное в кончик кнута, попадался кто-то не в кольчатом, а в кожаном или стеганом доспехе, то переломы костей или обширные внутренние кровоизлияния ему были обеспечены почти стопроцентно. Незащищенное лицо при столкновении с опытным «кнутобойцем» означало смерть или слепоту, хотя бы на один глаз.

О дальнейшей судьбе угорского умельца рассказывали по-разному. По одной версии его, щедро наградив, отпустили. Согласно другой версии, убили, дабы других не научил. Имелся и третий вариант концовки этой истории – угр прижился в Ратном и даже женился. Оттого-то и рожают иногда бабы темноволосых и скуластых детишек, провоцируя у мужей приступы ревности различной степени интенсивности. Впрочем, лекарка Настена эти приступы умела снимать, проводя с ревнивцем «собеседование», опираясь на легенду об обретении ратнинской сотней необычного оружия.

В нынешнем составе ратнинской сотни было два «рекордсмена», умевших вытворять кнутом такое, что было недоступно остальным, – Андрей Немой и Бурей. Оба были способны перебить ударом кнута ногу не только человеку, но даже быку, а Бурей еще умудрялся, на диво всем присутствующим, сбивать на лету мух.

* * *

Мать, покрутив в руках красиво украшенный кнут, выбор деда одобрила. Во-первых, оружие, что соответствовало боярскому статусу Нинеи, во-вторых, кнут был «родственником» плети – символа власти, в-третьих, боевой кнут был ратнинским «эксклюзивом», что усиливало символическую составляющую подарка. Это было важно, поскольку символичность и многозначительность подношений играла в средневековой дипломатии такую же существенную роль, как и их материальная ценность.

Подобраны были цветастые платки, на которых следовало подносить подарки, Мишке и Артемию объяснили, как надо подходить, как кланяться, как складывать подарки к ногам боярыни, даже провели несколько репетиций, но чего-то не хватало. Нинея была женщиной (получи красивую посуду), боярыней (изволь принять оружие), но еще и волхвой! Проиигнорировать эту составляющую ее статуса христианам было бы и не зазорно, но некоторая неловкость

все же возникала, тем паче, что уж Ниней-то читать символику ритуалов умела прекрасно, в этом никто не сомневался.

«Читалось» же отсутствие подарка, предназначенного для Ниней как для волхвы, подобно поведению человека, подчеркнуто, напоказ, не замечающего недостатков в одежде или поведении собеседника, – жест на грани высокомерия. Допускать подобную бестактность воевода Корней не мог себе позволить ни в коем случае: и без того Ниней достаточно прозрачно намекнула Мишке на низкий уровень родовитости Лисовинов.

Дед, после долгих раздумий, уже решил было конфисковать у Мишки бронзовую статуэтку лиса, найденную Ильей на языческом капище, но тут Мишку осенило:

– Деда, а давай поднесем ей посох куньевского волхва! Понимаешь, посох – знак волховской власти, он не должен находиться в случайных руках, тем более в руках иноверцев, значит, мы восстанавливаем порядок, возвращаем его туда, где ему место. А еще мы показываем, что, будучи защищены крестом, не боимся сразиться с языческой силой и способны победить. Вместе получается: «Мы тебя уважаем, но не боимся».

– Кхе, умно вроде бы. Что скажешь, Аня?

– А не обидится она на то, что напоминаем о разорении капища? – усомнилась мать.

– Напоминать-то напоминаем... – Дед задумчиво поскреб в бороде, – но мы тут для того и поселены, это наше дело – язычество искоренять. Как ты это называл, Михайла?

– Функция.

– Вот-вот, она самая. И громили мы Кунье городище не просто так, а за дело, по справедливости. Не только по нашей справедливости, но и по древним славянским обычаям. Нет, упрекать нас не за что! А отдать Нинее посох... Михайла верно сказал – вернуть то, что у нас находится не может и не должно, туда, куда надо, и тому, кому надо. Годится! Аня, найди, во что его завернуть можно, а ты, Михайла, при Нинее руками к посоху не прикасайся, только через ткань. Придется еще кого-то с собой взять, три подарка – три отрока, у меня руки должны быть свободны, Михайла, кто у нас еще на ногах?

– Ходить могут двое: Матвей и Петр, но у Петра руки в лубках.

– А Кузьма?

– Хромает сильно, деда.

– Ну и что? Ты тоже хромаешь, да и я... свое уже отплясал.

– Нет, деда, у него рана в таком месте, что кланяться больно, да и сидит он все еще на одной половинке, намнет ногу в санях, пока едем, вообще ходить не сможет.

– Ну что ж, давай Матюху. Повязку с него уже сняли, я видел, а что рожа покорябана, так боевое ранение воину не в укор.

* * *

Роська, изображая Нинеино «ближника», встретил посольство у ворот, вежливо поприветствовал, распахнул створки и пригласил проезжать. Вообще-то въезжать верхом во двор можно было только к хозяину, стоящему ниже гостя на сословной или иерархической лестнице, да и то считалось невежливостью и высокомерием, простительными только князьям. В отношении же равного или вышестоящего подобные действия однозначно воспринимались как оскорбление. Но если приглашают...

Впрочем, все тут же и разъяснилось – Ниней на крыльце не было, хотя «по протоколу» ей надлежало встречать гостей на верхней ступени, а деду, как менее родовитому, самому подниматься к ней. Корней недовольно нахмурился, но потом, видимо, сообразил, что въехать во двор на коне ему позволили как увечному, чтобы не шел к крыльцу пешком, а в качестве компенсации за такую вольность Ниней не вышла встречать гостей, оставшись внутри дома.

Можно было только восхищаться тонкостью балансировки политеса, рассчитанной волхвой с аптечной точностью и пропорциональностью.

Роська, словно всю жизнь подвизался в роли лакея, ловко забежал вперед, распахнул перед воеводой дверь, а потом умудрился снова обогнать сотника Корнея в сенях и раскрыть перед ним дверь в горницу. А в горнице!..

Да! Ниней была неисчерпаема на сюрпризы и способна поразить своими преображениями кого угодно.

У противоположной входу стены был сооружен невысокий, в одну ступеньку, помост, наподобие тех, что издревле именовались княжескими столами, породив впоследствии термины «стольный град» и «столица». Из чего был собран помост, оставалось непонятным, поскольку накрыт он был белым войлоком. Мишка раньше думал, что на белом войлоке сидели только татарские ханы. Выходит, ошибался.

За спиной Ниней, на стене, висело алое полотнище с вышитым золотом гербом «Разъятое ярмо» и девизом (Мишка чуть не сел от изумления): «Domita potentia». Латинское слово «potentia» Мишка знал – сила, но вот «domita»? И почему по-латыни?

Сидела Ниней на чем-то, тоже покрытом белым войлоком и почти невидимом из-за складок просторного платья. Платье было черным, расшитым по подолу и краям рукавов золотым травным узором. Черным, расшитым по краям таким же, как и платье, узором был и глухой платок, застегнутый под подбородком золотой брошью. В правой руке боярыня Гредислава (иначе и язык не поворачивался назвать) держала резной волхвовской посох, но не темный, как у куньевского волхва, а из какого-то светлого дерева, цветом напоминавшего слоновую кость. Мишке, ожидавшему, что на волхве будет традиционный белый плащ (получается, и тут ошибся), сразу же вспомнилась боярыня Морозова с картины Сурикова – вроде бы и непохожа, и ситуация совсем другая, но что-то такое было...

Позади боярыни, скромно засунув руки в рукава и потупив глазки, стояла Красава, других детишек было не видно и не слышно, кажется, их вообще не было в доме.

На первый поклон сотника Корнея, отвешенный у самой двери, Гредислава Всеславна ответила лишь наклоном головы и приглашающим жестом, после второго поклона, исполненного в шаге от помоста, поднялась на ноги и поклонилась в пояс. Стоя же выслушала приветственные слова воеводы и произнесла свои реплики. Опять тонкий баланс формальных знаков почтения и приветствия. Гредислава – более родовита, Корней – выше рангом, Гредислава – хозяйка, Корней – гость, она – женщина, он – мужчина.

Родовитая хозяйка встретила гостя сидя и предложила войти, но, подойдя к помосту, Корней превратился из простого гостя в «нарочитого мужа» – воеводу (типа, не сразу разглядела). Воеводу, разумеется, приветствуют стоя, и разговаривать с мужчиной бабе стоя надлежит, но стоит-то она на помосте, выше Корнея, поскольку хоть и баба, но род древнее. Ритуал-с!

Дед был сосредоточенно-строг, даже слегка торжественен, боярыня Гредислава величественна, а Мишка терзался вопросом: куда класть подарки? В дедовых инструкциях наличие помоста предусмотрено не было.

«На край помоста? А вдруг нельзя? На пол? Вроде бы неудобно, подарки все-таки».

Выручил шепот Роськи:

– Кладите на край.

После того как приветственные слова были произнесены с обеих сторон, Мишка, повинувшись дедову жесту, подошел к помосту и, развернув, не прикасаясь руками, волхвовской посох, положил его к ногам боярыни Гредиславы. Отшагнув назад, поклонился и, не поворачиваясь спиной, сделал еще пару шагов назад. Матвей и Артемий повторили его маневры. Ниней наклонилась, опираясь на посох, и поочередно притронулась рукой к каждому подарку, выпрямилась и велеречиво поблагодарила – подношение принято.

Роська тут же подсунил воеводе Корнею лавку, тоже покрытую белым войлоком, боярыня Гредислава дождалась, пока сядет гость, потом села сама и одними глазами (но не понять приказ было невозможно) отправила ребят за дверь.

В сенях отроки обнаружили свою верхнюю одежду, сброшенную на пол у двери (Роська и тут успел), дед же потел в натопленной горнице в парадной шубе – опять же протокол, ничего не поделаешь. Не прошло и нескольких секунд, как в сени выскочили и Роська с Красавой, «высокие договаривающиеся стороны» остались с глазу на глаз.

– Роська, ты где так прислуживать научился? – поинтересовался Артемий. – Прямо как в княжеском тереме!

– Много ты в княжеских теремах бывал! – неприветливо отозвался Роська. Вопрос Артемия ему почему-то не понравился. – Умею, и все.

– Его бабуля научила, – пояснила Красава. – Только он сам не заметил.

– Все я заметил, – пробурчал Роська, но чувствовалось, что разъяснение Красавы для него такая же неожиданность, как и для остальных ребят.

– Пойдемте со мной! – распорядилась хозяйским тоном Красава. – Они там еще долго будут.

В пристройке, куда Мишке еще не доводилось заглядывать, обнаружилась чистенькая комнатка с накрытым для угощения столом. Посреди стола стоял, укутанный в тряпки, чтоб не остыл, объемистый кувшин со сбитнем, а на деревянных подносах – накрытые полотенцами пироги. Проголодавшиеся с дороги отроки дважды приглашать себя не заставили, а Красава скромно уселась в уголке, ответив на Мишкино приглашение к столу одним словом:

– Невместно!

Мишка жевал пироги, запивал сбитнем, вставлял реплики в общий разговор, но мысли его были заняты другим.

«Светлая боярыня, у нас в Питере молодежь говорит: «Я с вас балдю». Латинский девиз на гербе – прерогатива католического рыцарства, как он на Нинеином знамени оказался? Вообще-то это “в струе” знакомства с княгиней из рода Пястов, но ничего не объясняет, а, наоборот, запутывает. Может быть, Нинея в молодости в Европах обреталась? Допустим. Можно допустить даже, что была замужем за кем-то, кто имеет право на герб. Но само-то изображение древнеславянское! Или разъятое ярмо используется и в западноевропейской геральдике? Тогда получается, что мы с дедом ошиблись в определении древности ее рода. Нет, не получается – отец Михаил говорил, что для ее родословной и триста лет пустяк.

Может жена иметь отдельный от мужа герб? Не знаю, геральдикой никогда особо не интересовался, но, если это допускается, то симбиоз славянского изображения с латинским девизом возможен. Или нет? Ни черта вы, сэр, не знаете, одни сплошные загадки. Попробуем зайти с другой стороны. Potentia – сила, насколько я помню... или возможность? Потенциал, одним словом. Но это второе слово девиза, а первое... вот уже и забыл, потому, что не понял. Вполне может быть, что и написано с ошибками, в Европе-то сейчас грамотные люди разве что в монастырях водятся. А в рыцарском замке, если и попадется грамотей, то такой, что корову через ять начертает и не почешется, тем более что на родных языках не пишут, только на латыни. Что значит ее девиз? Может быть, Красава знает? Вряд ли, но попытка не пытка».

– Красава, а про какую силу у бабули на знамени написано? Я не до конца разобрал.

– Про покоренную силу, – как само собой разумеющееся, разъяснила маленькая волхва. – Ты видел, что там ярмо вышито? Вот когда быка в ярмо запрягаешь, то и выходит, что его сила тебе покоряется. Поэтому и написано: «Покоренная сила».

«Ну, это, положим, адаптированная версия для детей, а на самом деле? Конечно же, имеется в виду та самая «мистическая сила», которая и делает Нинею волхвой. А то, что ярмо разъято, вовсе не противоречие слову «покоренная», а предупреждение: «Берегись, иначе

выпишу на тебя силу, которая мне покорна» – девиз, более присущий магу, а не рыцарю... А разъято ярмо потому, что владеющему собой никакая сбруя не нужна – он сам собой управляет и понимает, что власть – это ярмо, невидимое для других. Мне бы, кстати сказать, такой девиз тоже подошел бы – Лисовина в себе обуздать не так-то просто. И дед остатки сотни, как брыкливого коня, обуздывает. Ох уж эти гербы и девизы, в каждый по десятку смыслов вложено, и все к самым разнообразнейшим ситуациям применимы».

– Минь! Там же не по-нашему было! – изумился Матвей. – Ты что же, и не по-нашему понимаешь?

– Плохо. Ты же слышал: до конца не разобрался.

– А я и не заметил, – грустно констатировал Роська, – сам же эту тряпку на стену вешал и даже не посмотрел.

– Не тряпку, а знамя! – въедливо поправила Красава. – А раз не заметил, значит, не нужно было!

– И чего я еще не заметил?

Было, что называется, невооруженным глазом видно, что Роську начинают терзать самые ужасные подозрения, вплоть до предположения о невольном участии в каких-нибудь сатанинских обрядах.

Мишка уже собрался как-нибудь свернуть разговор с опасной темы, но Красава прекрасно справилась сама:

– Еще ты не заметил, как сбить на штаны пролил!

– Где?

Роська испуганно вскочил с лавки, но штаны были совершенно сухими. Отроки дружно заржали, а Роська покраснел от обиды. Раз покраснел, значит, зацепило, подросткам больше и не надо, шуточки и подначки посыпались горохом, Роська принялся отлаиваться, ужасные подозрения забылись сами собой.

Переговоры воеводы и боярыни затянулись надолго. Угощение было съедено, общий разговор постепенно приобрел какой-то рваный характер и начал затухать. Возможно, действовал взгляд сидящей в уголке Красавы, который она попеременно задерживала на каждом из отроков. Тот, на кого она переводила глаза, через несколько секунд сбивался с мысли, запинаясь и умолкал. Только Мишка, заметив, что Нинеина внучка смотрит на него, прямо взглянул в ответ и нахально подмигнул. Красава сердито надулась и уставилась в угол.

«Силы пробует, поганка мелкая, ох, рано ее Ниня обучать взялась, ни хрена соображения нет. Ребята ничего не замечают, но в подсознании застрянет опасение и недоверие к малышке, а воспоминания о визите к Нинее будут сопровождаться смутными неприятными ощущениями. Это – у Артема и Матюхи, а уж у Роськи-то...»

Чтобы ребята совсем не заскучали, а Роська снова не стал мучиться ужасными подозрениями, Мишка стогнал Матвея к саням за самострелом и принялся объяснять отрокам его устройство. Еще ТАМ один знакомый офицер ему объяснял: «Если настроение хреновое, или дурными мыслями маешься, или просто, куда себя деть, не знаешь, а выпить нельзя – разбей и чисти оружие! Лучшего лекарства от тоски и прочей мозговой дури нет! Бабы в таких случаях посудой на кухне гремят или чего-нибудь шьют-вяжут-штопают, а те, что подурнее, у зеркала штукатурятся и побрякушки примеряют. А для мужика главное успокоительное – оружие. Если стволов дома не держишь, иди на кухню и точи ножи – двойная выгода: польза хозяйству и настройка нервов».

Этой-то рекомендацией и решил воспользоваться Мишка для проведения «сеанса психотерапии», компенсирующего экзерсисы Красавы.

– Вот эта часть самострела называется «ствол», сверху в нем сделана выемка, в которой лежит болт, по ней же он скользит во время выстрела. Чтобы болт скользил лучше, выемку

тщательно выглаживают и смазывают маслом. Для этого, вот, смотрите: в малом подсумке у меня лежит каменный брусок и масленка.

Вот это называется «дуга». Она похожа на лук, но короче и толще, а поставлена с наклоном, чтобы концы дуги были выше ствола, тогда тетива за ствол задевать не будет. Дуги могут быть деревянные, из рогов или стальные. Стальные самые сильные, но нужна очень хорошая и дорогая сталь, у нас такую делать не умеют, привозят из других стран, оттого она еще дороже. Тетивы тоже бывают разные – жилые или проволочные. Проволочная тетива лучше тем, что сырости не боится, но в Ратном никто проволоку тянуть не умеет, приходится привозить. Оттого же у нас нет и мастеров, которые умеют плести кольчуги, все брони в Ратном либо покупные, либо из добычи. Самое большее, что у нас можно сделать, – это починить рваную кольчугу или переделать под иной размер. Из-за этого же тетивы у нас жилые, а не проволочные. Смотрите: у меня в малом подсумке лежит еще и запасная тетива.

Вот это называется «приклад», а это – «шейка». Она специально сделана так, чтобы удобно было правой рукой, держась за шейку, нажимать на спуск. Шейка – самое слабое место самострела, здесь он может при сильном ударе сломаться.

Спереди, перед дугой, прикреплено стремя, на него во время заряжания наступают ногой, тогда самострел стоит твердо и не болтается. Вообще-то стремя придумано для того, чтобы натягивать тетиву либо руками, либо специальной снастью. Снастей таких много напридумывали, но наши самострелы – с рычагом – взводить удобнее, быстрее, и силы особой не требуется. Смотрите: рычаг стоит сбоку, но не прямо, а с небольшим наклоном, когда я начинаю давить на него ногой, этот конец идет вниз, а другой вверх, цепляет тетиву и натягивает ее. Чем дальше тетива натягивается, тем больше она приподнимается над стволом (дуга-то прикреплена с наклоном), и как раз тогда, когда тетива проходит защелку, она с рычага соскакивает и за защелку зацепляется. Для этого конец рычага специально скруглен. Теперь рычаг свободен, и я возвращаю его в исходное положение, иначе он помешает выстрелу.

Видите, какая разница между длиной той части рычага, которая снаружи, и той, которая внутри? Наружная втрое длиннее. Это значит, что усилие на том конце, который тянет тетиву, втрое больше, чем на том, на который я давя ногой. Если я вешу пуда два, то сила моего самострела – шесть пудов.

На Западе, у латинян, самострелы называют арбалетами, и применять их против христиан католическая церковь запрещает. Не из человеколюбия, а потому, что арбалет единственное оружие, с которым холоп может одолеть тамошнего боярина. С холопами там обходятся хуже, чем у нас, а вольных смердов у латинян мало, потому что мало свободной земли – тесно живут. Холопы, бывает, бунтуют, вот церковь им и запрещает иметь оружие для бунта.

Есть, правда страна, где вольные смерды – йомены по-ихнему – сызмальства учатся владеть луком. Обычай у них такой. Так там боярам приходится аккуратными быть. Луки у йоменов большие – в человеческий рост...

Мишка и сам не заметил, как перешел с устройства самострела на «историю с географией». Раз уж зашла речь об английских лучниках, то невозможно было не упомянуть и Робин Гуда, и так далее, и тому подобное. Слушали, что называется, разинув рты, почти не перебивая вопросами.

Самое главное, Красава, тоже заслушавшись, прекратила свои «упражнения», которые на Мишку, впрочем, и не действовали.

– У нас тоже лучники искусные есть! – внезапно вспыхнул патриотизмом Роська. – Белку в глаз бьют, чтобы шкурку не испортить!

– Кто ж тебе такое наврал? – спросил Мишка, втихомолку радуясь тому, что крестник, похоже, отвлекся от мрачных размышлений. – Белку, горностаю и вообще всех мелких зверьков бьют тупыми стрелами с деревянным набалдашником – куда ни попади, шкурку не попортишь. Вот погодите, выучитесь стрелять, наступит зима...

– Все! – заявила вдруг Красава. – Они заканчивают. Запрягайте лошадь в сани, седлайте воеводского коня, скоро бабуля с воеводой выйдут.

«Блин! Ну не верю я в телепатию, и все тут! Подала старуха какой-то незаметный знак! Хотя... черт его знает, когда Красава волхва в речке топила, бабка что-то почувствовала, по ней заметно было. Вряд ли они мне спектакль показывали, такое не оттрепетировуешь. То есть Нинея что угодно изобразить сумеет, но Красава-то малявка совсем, я бы фальшь уловил. А откуда, собственно, фальшь, если волхва детишками, как куклами, управлять умеет? Самый лучший актер тот, кто верит в то, что изображает!»

Да пошло оно все! С этим еще мне разбираться не хватает! Хотят мозги пудрить, пусть пудрят, а я в мистику все равно не поверю!»

Дед вывалился на крыльцо распаренный, как из бани, держа в руке какой-то цилиндрический предмет, завернутый в светлую замшу, – наверно, ответный подарок. Следом выплыла боярыня Гредислава, что-то негромко проворковала и протянула Корнею руку. Тыльной стороной ладони вверх – для поцелуя! Дед и тут не ударил в грязь лицом, не зря в молодости возле князей покрутился – подставил под ладонь боярыни свою, тоже тыльной стороной вверх, и «приложился к ручке», но как! Успел перед этим сойти на две ступеньки вниз, и поцелуй получился без поклона! Куртуазно, но без умаления воеводского достоинства перед «простой» боярыней.

Спустившись с крыльца, Корней отвесил еще один поклон и лихо, как молодой, взмыв в седло, направил коня к воротам. Отроки тоже отмахнули боярыне поклоны, быстренько разместились в санях и тронулись вслед за Корнеем.

Когда Нинеина весь скрылась из виду за деревьями, дед придержал коня и, поравнявшись с санями, с какой-то веселой злостью глянул на Мишку:

– Кхе! Ну, баба, ну, умна! Эх, была бы помоложе, – дед по-гусарски подкрутил усы, – какая бы воеводиха из нее вышла!

«Ну-ну, слышала бы Листвяна... Все-то вы, женщины, про нас знаете, кроме одного – почему мы одних любим, а на других женемся! Не помню, чья мысль, но замечено точно».

– Да что там воеводиха – княгиня, царица! – продолжал восхищаться дед. – Семь потов со меня согнала! Счастлив твой бог, Михайла, что она тебя любит! И с чего бы? Лоботряс лоботрясом! А она! Ой, не дай бог такой на зуб попасться! На-ка, погляди, чем отдарилась.

Дед подал Мишке замшевый сверток. Внутри оказался туго свернутый пергаментный свиток, тесно, почти без полей, исписанный уставом. Мишка, не без труда, начал разбирать первые строки – как и в большинстве документов этого времени, интервалов между словами не было, а некоторые буквы были пропущены – не вследствие ошибок, а в соответствии со способом письма, экономящим место на дорогом пергаменте – «под титлом».

Документ оказался Пространной Русской Правдой – сборником законов Ярослава Мудрого, дополненным Владимиром Мономахом.

– Ну, понял, на что намек? – поинтересовался дед, заметив, что Мишка разобрался с несколькими первыми строчками.

– Чего ж тут не понять, деда? «Юному роду, ничем, кроме воинских дел, себя не прославившему», пора выказать себя на поприще управления.

– Вот я и говорю: лоботряс! Ничего, кроме того, что снаружи, не видишь.

– А что еще-то? – не понял Мишка.

– А то, что у нас в Ратном никогда ничего подобного не было, а у нее – пожалуйста! Еще и подарить может! Поприще, поприще... управлять-то по закону надо, а мы – ни уха ни рыла! Не выказывать себя, а учиться надо! А то так выкажем... Ну, баба!

Дед снова подкрутил усы и послал коня вперед.

Глава 2

Май 1125 года, база Младшей стражи – Нинеина весь

– Раз-два, левой!левой!левой!

Роськин голос, когда он вот так муштровал свой второй десяток, очень напоминал голос Ходока, скорее всего, потому, что Роська, вольно или невольно, подражал командным интонациям кормщика.

– Раз-два, левой! Глаголь, Он!

– Го!

– Земля, Ук!

– Зу!

– левой!левой!левой! Хер, Аз!

– Ха!

Молодые голоса отвечали дружно, весело, даже с некоторой лихостью: вот, мол, как мы уже грамоту знаем!

«Шустро у Роськи дело продвигается. Действительно, такое хоровое разучивание, в сочетании с ритмическим движением, здорово ускоряет процесс».

Как назло, практика тут же опровергла Мишкины оптимистические выводы:

– Напра-во!левой,левой! Слово, Еры, Рцы!

– Сыр!

Отозвались всего два или три голоса.

«Шустро-то шустро, да не очень. А чего вы хотите, сэр, всего три недели занимаются».

– Отставить! Почему не дружно? Еще раз: Слово, Еры, Рцы!

– Сыр!!!

– левой,левой! Люди, Ять, Слово!

– Лес!

С другого конца двора доносится голос Петьки:

– Чурбаки деревянные, ничего понять не можете, всех нужники чистить пошлю!

«Совершенно другой стиль: привык на холопов покрикивать. Привезут из Түрова купеческих сыновей, они ему покажут «деревянных». Хорошо, что Никифор задерживается, двумя неделями раньше увидел бы картинку: обе руки в лубках, на морде синяки всеми цветами радуги цветут... Живопись, блин».

Издали пистолетными выстрелами раздавались щелчки кнута. Там Немой проводил занятия по верховой езде. Словесных комментариев, разумеется, никаких, только щелканье кнута да изредка скупые жесты. Но ученики его понимали.

Три десятка на занятиях, один – в карауле, один – на хозработах. Дед не обманул: ребят действительно набралось полсотни. Десять человек из новой родни, двадцать восемь из холопских семей и еще двенадцать дали воеводские бояре из своих холопов.

Воеводских, конечно, после обучения придется вернуть, но пока – полсотни. Хотя на самом деле больше. Еще трое двоюродных братьев: Демьян, Кузьма и Петр. Кузька, правда, все еще в Ратном – готовит вместе с отцом и мастеровыми холопами оборудование для мастерских. Ну и четверо крестников: Роська, Артемий, Дмитрий и Матвей. Матвея здесь тоже нет – прижился в учениках у лекарки Настены.

Мишка вздохнул и снова уставился на грифельную доску. Расписание занятий на следующую неделю никак не желало принимать нужный вид. Ситуация до боли напоминала родную Советскую армию – решительное доминирование хозяйственных работ над боевой подготовкой. Мишка, получивший во время срочной службы весьма серьезную специальность техника дальней связи, был убежден, что обучиться этому можно было бы не за два года, а месяцев

за шесть-восемь. Все остальное время было потрачено на всякую дурь. Сейчас на те же самые обстоятельства приходилось смотреть с другой стороны, и выглядело все совсем иначе.

На новом месте надо обустраиваться, налаживать быт, создавать учебную базу... Хочешь не хочешь, берись за топоры и лопаты. Спасибо Илье – такой зам по тылу оказался, без него – как без рук.

Опять же, инвентарь. Если на полсотни рыл имеется всего два самострела, то как учить? Вообще, постоянно натыкаешься на иллюстрации к диалектическому закону перехода количества в качество. Казалось бы, простая вещь – выстругать деревянные кинжалы для тренировок. Мишке и в голову не приходило, что с этим могут возникнуть какие-то сложности, но, когда делом одновременно занимаются пятьдесят человек, просто статистически должна случиться какая-то неприятность. Из пятидесяти учеников воинской школы у троих все время получался брак, а двое умудрились так порезаться, что Мишка даже думал отправить их в Ратное к Настене. Слава богу, обошлось – опять выручил Илья.

То же самое и с учебным процессом. Сам Мишка с братьями в свое время получил от крутящегося болвана достаточно синяков, но чтобы на первом же подходе одному «курсанту» сломало мешочком с гравием нос, а другой, споткнувшись, выбил себе об столб передний зуб...

И еще одно яркое напоминание о ТОЙ жизни: партию из двенадцати самострелов, на которую Мишка так рассчитывал, нахально перехватила мать для своего «бабьего батальона». Такой подлянки от родной матери Мишка никак не ожидал.

Вот они – невидимые войны снабженцев. Со своими победами, поражениями, хитроумными комбинациями и балансированием на грани закона и уголовщины. Только сейчас Мишка не теоретически, а на практике понял, почему директора ценят хорошего снабженца больше, чем секретаршу «с ногами от ушей», сколь бы услужливой и умелой она ни была.

Положение – хоть топись. И деда теребить по каждому случаю не будешь, у того и так голова кругом – всюю идут полевые работы.

Времени не хватало вообще ни на что, приходилось все больше и больше надеяться на десятников, а они все – такие разные. Демка, Роська, Петр, Первак, Дмитрий.

Знакомиться с Дмитрием и Артемием Мишке пришлось практически с нуля. В Турове общались только по поводу музыки, с глазу на глаз ни с кем ни разу поговорить не пришлось, да Мишка и не собирался.

А потом ребята лежали раненые, да и сам Мишка тоже шкандыбал на костылях и занят был то одним, то другим – только и хватало времени, чтобы ежедневно заглянуть к раненым на несколько минут.

Дмитрий...

Дмитрия теперь и родная мать не узнала бы. Не повезло парню: тогда, на дороге из Княжьего погоста в Ратное, стрела лесовика ударила сбоку, вклинившись между лбом и металлическим наносником, кончик жала отломился, а оставшаяся зазубренная железка наискось пробороздила мальчишке лоб, оставив на всю жизнь уродливый шрам с рваными краями.

Парнем Митька оказался мрачным и замкнутым, Мишка поначалу думал, что это последствия ранения, но Матвей объяснил, что Митька и в музыкантах был таким же, Своята даже хотел его выгнать за то, что парень его не очень-то и боялся, а при любом конфликте смотрел зверем, будто собирался кинуться и вцепиться зубами в горло.

О себе Дмитрий не желал рассказывать ничего и вообще на контакт шел очень неохотно. Пришлось в первые же дни после переезда на базу сводить его к Нинее. Там, под ласковое Нинеино: «Рассказывай, Митюша», он поведал такое, что проняло даже волхву.

* * *

Родом Дмитрий был из небольшого городка в Переяславском княжестве, на самой границе Степи. Отец его был десятником в дружине боярина, которому принадлежал городок, а старший брат – отроком¹ в той же дружине. Были еще мать и сестра на выданье.

Мать ждала четвертого ребенка, когда случилась беда. Из степи, от кого-то из половецких родственников, возвращался один из черниговских князей, в сопровождении своей дружины и отряда половцев. Дело в общем-то в тех местах обычное – черниговские князья активно рождались со степными ханами. В городок проезжих пустили переночевать не то чтобы без опаски – пограничье есть пограничье – но и не пустить было нельзя.

Дома в ту ночь ни отец, ни брат Дмитрия не ночевали – боярин проявлял бдительность, однако городок это не спасло. С чего все началось, так и осталось неизвестным, Митька проснулся от криков, звона оружия и зарева разгорающегося пожара. При описании последующих сцен Нинее несколько раз пришлось успокаивать парня, а однажды и самой утереть слезу.

На глазах у одиннадцатилетнего Митьки ворвавшиеся в дом черниговцы вспороли живот матери и скопом изнасиловали сестру. Мать оставили умирать в подожженном доме, а Митьку с сестрой выволокли на улицу и привязали к телеге, на которую складывали награбленное в Митькином и соседних домах.

Потом, когда телегу с привязанными пленниками выводили из пылающего поселения, Митька увидел труп отца – с отсеченной правой рукой и пробитой грудью. Пожар разгорался быстро, грабители торопились выбраться за городские стены, а привязали Митьку небрежно. Пареньку удалось отвязаться и в суматохе сбежать.

Через несколько дней Митьку подобрала дружинники переяславского князя, которые даже не сразу поверили, что все, о чем рассказал им мальчишка, творили не половцы, а «свои» – черниговцы. Дружинники доставили Дмитрия и еще нескольких спасшихся горожан в Переяславль, там его и подобрал Своята.

Нинее еще немного поворковала над Дмитрием:

– Все хорошо, Митюша, ты теперь среди своих, Мишаня тебе брат родной, ко мне заходи почаще...

А потом, в очередной раз, огорошила Мишку:

– Любят тебя светлые боги... и Христос, наверно, тоже. И я бы не сразу догадалась, что ему нужно, а ты, даже и не думая, все, как надо, сделал. Эх, был бы ты девкой...

Насчет того, что Мишка не думал, Нинее ошиблась. То, что раненный в голову парень целыми днями лежит, уставясь в потолок, и никак не поддается на попытки его разговорить, лишь односложно отвечая на вопросы (да и то не на все), Мишку тревожило очень серьезно. Заявление лекарки Настены о том, что рана не опасная и парень скоро поправится, Мишку не удовлетворило.

Однажды, выбрав щенка, из тех, кто еще не «попал под распределение», Мишка принес его Дмитрию и положил ему на грудь.

– Вот, Мить, подружку тебе принес. Извини, кобельков уже всех разобрали.

Митька придержал ладонью куда-то целенаправленно поползшего звереныша, погладил его, потеревил мягкие ушки, потом обхватил его ладонями, поднял к лицу и потерся о щечку мордочку щекой.

– Спасибо, Минь.

– Как назовешь-то?

– Сестренкой.

¹ Отрок – здесь младший дружинник.

В тот день Дмитрий впервые не просто поднялся с постели, а вышел из горницы, нашел в незнакомом ему доме кухню и попросил молока для щенка. Больше Митька с Сестренкой не расставался никогда, даже у Нинеи он сидел, держа щенка на коленях.

Визит к Нинее пошел на пользу. Уже на следующий день Дмитрий, впервые за все время, заговорил с Мишкой сам. Разговор этот Мишку здорово порадовал, потому что вопросы Митька задавал очень точные и деловые. Чувствовалось военное воспитание в приграничье, значительно менее спокойном, чем Погорынье.

Первые вопросы были о близости рубежа с Волынью, частоте и времени набегов, численности нападающих и способах охраны рубежа. Выслушав Мишкины ответы, Митька заявил, что половцев такой обороной не удержали бы – давным-давно на месте Ратного были бы обгорелые развалины. Сказано было не с укором или насмешкой – простая констатация факта.

В ответ на Мишкино возражение: «В лесах воюют иначе, чем в степи» – тут же начал расспрашивать о разнице. Потом заинтересовался статусом ратнинской сотни и заметно удивился, когда понял, что Киев, похоже, о сотне забыл, а Туров своей ее не считает. Да, в Переяславском княжестве, фактически служившем форпостом против степняков, такое было бы невозможно.

– Сколько у туровского князя своей дружины? Тысяча хоть есть?

– Не знаю, Мить, нет, пожалуй. В Турове – сотен пять-шесть. Князь Вячеслав Владимирович с собой из Смоленска привел, а до того у Брячислава Святополчича, может быть, и была сотня, а может, и нет. Теперь Брячислав вместе с братом Изяславом в Пинске живет. Вдвоем, наверно, сотни две имеют, да городское ополчение еще. В Клецке князь Вячеслав Ярославич. Сколько у него дружины, я не знаю, но много быть не может. Сколько-то воинов есть у посадников в Слуцке и других городках. Боярские дружины... Вместе – тысячи полторы-две, наверно, вряд ли больше трех. Еще ополчение можно собрать.

– И при таких малых силах целой сотней раскидываться? Не били вас как следует, страху не знаете.

– У переяславского князя больше?

– Три тысячи кованой рати. И каждый вольный муж по первому знаку за оружие встать способен. И из Киева подмога быстро приходит. А киевский князь может и десять тысяч собрать. Не сразу, конечно.

«Да, в нынешней Европе, после развала империи Карла Великого, многотысячных армий нет. Три сотни викингов брали на щит такие города, как Гавр, Париж, Генуя. На Руси та же ситуация. Да и где взять людей? Сколько сейчас вообще населения? Миллион? Полтора? Вряд ли больше.»

Где-то я читал, что во времена призвания варягов на территории будущей Руси проживало пятнадцать славянских племен или племенных союзов. Численность каждого из них определялась как «тьма», то есть десять тысяч. Оценка, конечно, очень приблизительная, но вряд ли общая численность достигала хотя бы четверти миллиона.

С тех пор прошло два с половиной века – десять поколений. Пять-семь детей в семье ЗДЕСЬ не редкость, а норма, но высокая детская смертность, войны, эпидемии, неурожай... Пожалуй, до двух миллионов не дотянет, хорошо, если полтора есть. И это на огромной территории – почти половине Европы. Прав Митька – сотней профессионалов, по нынешним временам, пренебрегать нельзя».

Следующей темой, заинтересовавшей Дмитрия, оказалась отдаленная перспектива.

– Когда выучимся, где служить будем: в княжеской сотне или в воеводской дружине?

«Да, сэр, парень субординацию понимает и разницу между боярской и княжеской службой тоже. Другие даже и не задумываются о таких тонкостях».

– Хочу дать тебе под начало десяток, согласишься?

– Чему учить? – Дмитрий еще раз порадовал Мишку – сразу понял свою главную задачу.

– Ты в Турове сам все видел.

– Верхом я не хуже вас могу...

«Еще бы, в степи вырос!»

– ...Кинжал могу метать, но хуже, чем вы, и только один. Сулицу тоже могу, но не очень пока, да и не упражнялся давно. А самострела в руках не держал.

– Так и никто, кроме меня и братьев, не держал. Будем учить.

– Меня учи отдельно, – сразу же поставил условие Дмитрий, – и быстрее, иначе какой я десятник?

– А мы все учиться будем, и я тоже. Вот Роська, единственный из нас, кто с кистенем хорошо обращаться умеет, будет нас всех учить. А еще мы с Петькой всех грамоте учить будем. Ты случайно не грамотный?

– Отец учил, но подзабылось...

– Ничего, вспомнишь. Значит, так, ставлю тебя десятником третьего десятка, сотник Корней, я думаю, будет не против. Ты из воинского рода – отец воином был, а дед?

– Тоже, и прадед, и прапрадед, – с законной гордостью перечислил новоиспеченный десятник. – Наш род из Любеча вывели.

– Выходит, ты полянин. А прозвище у твоего рода было?

– Нет.

– А как прапрадеда звали, знаешь?

– Никола Вихорь.

– Значит, ты – пятое колено воинов Вихревых. Гордись!

Митька помрачнел и отвернулся.

– Что такое, Мить?

– Нечем мне гордиться – родня неотомщенной осталась.

«Однако, сэр Майкл, в молодом человеке живет самурайский дух! А сестру он, похоже, уже в мыслях похоронил».

– Как того черниговского князя звали?

– Не знаю, я его даже не видел.

– Но хоть что-нибудь знаешь?

– Нет, – Митька закусил губу и потер рукой жуткий шрам, наискось пересекающий лоб. Было заметно, что он старается не показать перед старшиной слабости. – Я думал, что со Своятой как-нибудь в Чернигов попаду, смогу что-то разузнать... А он – то в Киев, то в Ростов, даже в Берестье были, а в Чернигов... – голос у парня прервался.

– Значит, не судьба, – Мишка уже пожалел, что затронул эту тему. – Христос сказал: «Мне отмщение, и аз воздам!» Рано или поздно против тех злодеев их же злодейство и обернется. Может, уже обернулось.

– Я сам воздать должен!.. Или хотя бы видеть, как воздалось! – Дмитрий в ярости сжал кулаки, стиснул зубы, на его изуродованном лбу вздулись жилы. – Они там пропивали награбленное, а я у Свояты на дудке играл!

– Мить, я тебе обещаю...

Мишка прекрасно понимал, что говорить такого нельзя, что вяжет себя практически невыполнимым обещанием, но иначе не мог.

– ...Обещаю: если что-то станет известно, я сам с тобой пойду и братьев возьму... За все рассчитаемся! А сейчас учись. Чтобы с теми нелюдями справиться, надо силу иметь и умение. Понимаешь меня? Веришь мне?

– Понимаю... Верю.

* * *

«Бери ложку, бери хлеб, собирайся на обед!» – рожок, конечно, звучит не так, как горн, но этот сигнал любому солдату любезен в любом исполнении. Да и играл Дударик – ученик Артемия – виртуозно.

Артемий...

Оказалось, что он внук мастера, изготавливавшего музыкальные инструменты. Родом Артюха был из «культурной столицы» Древней Руси – Ростова Великого. Родителей своих он не помнил, жил с дедом. Какая беда оставила деда бобылем с малолетним внучком на руках, Артюха так и не дознался, дед об этом говорить почему-то не хотел. Соседи тоже ничего не знали, дед поселился рядом с ними уже после случившегося.

Артемий не только перенял мастерство деда, но еще и умел играть на всем, что выходило из-под его рук. Но и этого матушке-природе, видимо, показалось мало – одаривать так одаривать. Артюха обладал еще и педагогическим талантом. Как выяснил Мишка, это Артемий, а вовсе не Своята, как можно было подумать, выучил играть Матвея на рожке, а Дмитрия на флейте.

Вообще, вся музыкальная часть в оркестре держалась на Артемии, а Своята, скорее, был администратором. Заполучил себе такого ценного кадра Своята очень просто. Будучи постоянным клиентом деда, он случайно оказался в Ростове в то самое время, когда старик умер, и, нахально назвавшись дальним родственником, просто-напросто забрал Артемия себе. Так же как и денежки, вырученные от продажи имущества покойного. Фактически Своята ограбил талантливого сироту и заставил пахать на себя лишь за скудные харчи. Века проходят, а отношения в шоу-бизнесе не меняются.

* * *

Ученика Артемию нашел Мишка. По случаю выздоровления раненых крестников, мать устроила... праздник не праздник, так – посиделки с пирогами, а ребята решили порадовать крестную музыкой. Народу на звуки рожков и флейты набралось столько, что пришлось перенести концерт во двор.

Там-то Мишка и обратил внимание на мальчугана лет восьми-девяти, зачарованно глядящего на музыкантов и перебирающего пальцами около рта, словно он играл на свирели. Малец и малец, таких во дворе была целая толпа, но как-то очень уж четко и осмысленно двигались его пальцы, перебирая невидимые клапаны свирели.

Мишка подозвал паренька и тихонько спросил:

– Нравится?

– Ага, у меня тоже дудочка была, только потерялась.

«Да уж, выселялись из Куньего городища, мягко говоря, торопливо. Где уж там было думать о детской дудочке».

– Пойдем-ка со мной.

Мишка привел мальчика в кладовую, выбрал на полке два берестяных туеска величиной примерно со стакан, всыпал в каждый по горсти сушеного гороха и закрыл крышками. Потряс, прислушался к получающемуся звуку, еще потряс.

– Понимаешь?

– Ага, только, дядька Михал, надо вот в этот туесок еще горошку подсыпать, чтобы звук одинаковый был.

Мишка даже сам не понял, что его больше удивило: обращение «дядька» или тонкость музыкального слуха мальчишки.

– Ну подсыпь сам.

Малец и добавил-то всего три или четыре горошины. Потряс туески, открыл оба и отсыпал понемногу из каждого. Снова потряс, склонив голову набок, и расплылся в улыбке:

– Теперь хорошо!

– Ну, беги, подыгрывай.

Артюха, услышав ритмичное погромыхивание самопальных шейкеров, удивленно поднял брови, не прерывая игры, отыскал глазами мальчика и кивком головы указал тому на место рядом с собой.

«Вот так, сэр Майкл, коллекционируйте счастье на детских лицах, и чем обширнее будет ваша коллекция, тем дольше проживете. Да и потом... если там, наверху, кто-то и вправду есть – зачтется. Ей-богу, зачтется, вернее, чем все поставленные в церкви свечи».

Дня через два или три, проходя по двору, Мишка вдруг услышал звуки рожка и свирели:

*Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой
Выходила на...*

Свирель сбилась, следом за ней умолк рожок, а потом дуэт зазвучал снова:

Расцветали яблони и груши...

Малец оказался из той самой семьи, которую Мишка с таким скандалом выкупил у Афони. В Нинеину весь семья переехала вместе с воинской школой, и Артюха, научив пацаненка играть на рожке, заставил его разучить воинские сигналы, которые напел ему Мишка: «Подъем, отбой, тревога, целься, приступить к занятиям» – все, что удалось вспомнить.

Так Мишкин протеже стал сигнальщиком Младшей стражи, а звать его стали Дудариком, и прозвище это ему очень шло.

Артемию же Мишка поручил искать мальчишек, обладающих музыкальным слухом и способных выучиться игре на каком-либо музыкальном инструменте. Мысль о создании военного оркестра была совершенно несвоевременной, Мишка сам себя обзывал дураком, но этот дурацкий проект засел в мозгу, как рыболовный крючок, и избавиться от него никак не получалось.

* * *

– Стража! В колонну по три становись! На обед, правое плечо вперед, шагом, ступай!

Со строевыми командами Мишка намучился предостаточно. Заменить немецкое «марш» на русское «ступай» особого труда не представляло – эта команда существовала в русской армии еще при Екатерине Великой, «марш» появился только при Павле I. Шеренгу Мишка заменил на ряд, а вот с колонной ничего придумать не смог, так и оставил.

«Ну-с, сэр, пора на ежедневное мучение, укрепите себя мыслями о Божественном – и вперед. Кто там у нас сегодня по календарю?»

Мишка пошуршал записями, сделанными под диктовку отца Михайла.

«Ага, преподобный Феодосий Печерский. Феодосий, Феодосий... Должен же быть сегодня именинник... Ага, есть! В четвертом десятке. Ну что ж, вперед, сэр Майкл, вас ждут великие дела!»

Мишка спустился из своей горницы на первый этаж, служащий одновременно и столовой, и казармой, и вообще всем остальным. Теснотища, конечно, жуткая, но это – временно.

– Стража! Смирно! Господин старшина! Ратники Младшей стражи на трапезу собраны, дежурный десятник Дмитрий!

– Вольно.

– Стража! Вольно! На молитву шапки долой! Отче наш, сущий на небесах...

Хор голосов звучал стройно, за прошедшее время молитву вызубрили все. Мишка дождался дружного «Аминь», перекрестился вместе со всеми и прошел к торцевой стене, чтобы быть видимым для всех. Набрал в грудь побольше воздуха и торжественным голосом начал:

– Сегодня, в третий день мая, мы поминаем преподобного Феодосия Печерского. Преподобный Феодосий Печерский родился в Васильеве, недалеко от Киева. Вскоре родители его переехали в Курск. На четырнадцатом году жизни преподобный Феодосий лишился отца и воспитывался строгой, но любящей матерью.

Тайно покинув родительский дом, он в 6540 году² принял постриг в обители преподобного Антония. Подвизаясь в обители, он отличался необычайной кротостью и смирением, прославился многочисленными чудесами и по благословению преподобного Антония был единодушно избран игуменом обители.

Преподобный Феодосий ввел в ней общежительный устав святого преподобного Федора Студита, списанный по его поручению в Константинополе. Святой почил в Бозе в 6548 году, а его мощи обретенны нетленными спустя семнадцать лет.

Среди нас пребывает новообращенный раб Божий, крещенный именем преподобного старца Печерского – ратник четвертого десятка Младшей стражи Феодосий. Поздравим же его с праздником тезоименитства!

Все дружно поклонились враз покрасневшему до корней волос имениннику. Мать Дударика, принявшая в Младшей страже должность шеф-повара, поднесла ему большущий – так, чтобы хватило угостить весь четвертый десяток – медовый пряник.

– Стража! Садись!

«Отличался необычайной кротостью и смирением... Ну да, как раз то, что и требуется курсантам военного училища, блин. Хотя десять дней назад с Георгием Победоносцем вышло тоже не лучшим образом. Именинник взял да и поинтересовался: почему это Георгий “случайно” проезжал мимо именно тогда, когда дракону должны были отдать царскую дочь, а не какую-нибудь холопку. До сих пор стыдно вспоминать, как выкручивался».

– Господин наставник...

Около мест, на которых сидели Мишка и Немой, остановился «новообращенный Феодосий», держа на подносе уже разрезанный именинный пряник. Как-то быстро и незаметно сложилась традиция – резать пряник не на десять, а на двенадцать кусков и угощать старшину и наставника Младшей стражи.

Мишка обнял парня, сказал, чтобы слышно было всем:

– Поздравляю, Федос, спасибо за угощение.

Немой тоже облапил именинника, тот окончательно застеснялся и чуть не выронил поднос.

Именины праздновали уже несколько раз. Отцу Михаилу, чтобы зараз окрестить более полусотни новообращенных, пришлось крепко посидеть над святцами, и ни одного святого, чей день поминовения приходился на апрель или май, он не пропустил. К условию деда – чтобы имена, по возможности, не повторялись – отец Михаил отнесся с пониманием. Под это дело Мишка окрестил весь первый десяток именами апостолов. Как раз получилось десять: Андрей, Петр, Иаков, Иоанн, Филипп, Варфоломей, Фома, Матфей, Фаддей и Симон³.

² 1032 год. Разница между датами, исчисляемыми от Сотворения мира и от Рождества Христова составляет 5508 лет.

³ Апостолов, как известно, было двенадцать, но Иудой никому, конечно, зваться не понравится. Кроме того, двое апостолов

Смотреть на отца Михайла во время обряда крещения было одно удовольствие – такое массовое обращение язычников поправило ему здоровье лучше, чем все оздоровительные процедуры тетки Алены, а о способах убеждения, к которым прибег сотник Корней, чтобы подвигнуть пребывающих во тьме язычества на принятие православия, деликатность требовала умолчать.

Ниней к насаждению христианских порядков отнеслась терпимо, единственным условием, которое она выставила, было не строить в деревне церковь. Мишка попал между Нинеей и отцом Михаилом, как между молотом и наковальней, но выход нашел дед. Посмотрев начерченный Мишкой план крепостцы и выслушав Мишкины сомнения, сотник принял соломоново решение:

– Крепость поставим на другом берегу Пивени, а место для храма выберем так, чтобы с этого берега крест не был виден.

– Деда, Нинею не обманешь.

– А и не надо, она баба умная, сама все поймет.

* * *

Делами воинской школы Ниней заинтересовалась всерьез. Сначала вокруг шастала Красава, держась особняком от холопских детишек, которые, пользуясь отсутствием ограды, лезли во все щели. Потом, дней десять спустя после переезда из Ратного, Красава предупредила Мишку: «Завтра с утра бабуля придет на вас посмотреть».

Явилась Ниней на утренний развод. Была величественна и строга, в черной, шитой золотом одежде из дорогой заморской ткани, с резным посохом в руке – том самом наряде, в котором принимала официальный визит сотника Корнея.

Мишка скомандовал: «Смирно, равнение на середину!» – отпартовал «матушке боярыне», представил Немого и десятников, потом разродился краткой речью для личного состава на тему: «Светлая боярыня Гредислава Всеславна принимает воинскую школу на своей земле под материнское попечение, и все мы обязаны исполнить долг боярской дружины, буде в том возникнет нужда».

Ниней одобрительно кивала, то ли выражая удовольствие, то ли подтверждая Мишкины речи. Потом медленно пошла вдоль строя «курсантов», внимательно вглядываясь в лица, а иногда и заговаривая то с одним парнишкой, то с другим, Дударика и вообще ласково погладила по голове. Мишка на протяжении почти всей процедуры маялся, пытаясь понять: что это все ему напоминает? Под конец все-таки вспомнил – Черчилль!

Кадры старой кинохроники о визите английского премьер-министра в Москву то ли в сорок первом, то ли в сорок втором году. Черчилль точно так же медленно шел вдоль строя почетного караула, иногда останавливаясь и вглядываясь в лица солдат. Мудрый аки змий премьер-министр из древнего рода герцогов Мальборо пытался понять, выдержат ли русские удар военной машины Гитлера. И что-то тогда для себя понял.

Ниней тоже что-то поняла.

– Хорошие у тебя ребята, Мишаня, правильно их Корзень выбирал. Один только... Вон того, конопатенького, гони – с головой у него непорядок, сейчас незаметно, а годика через два... Оружие ему в руки давать нельзя.

были Иаковами: Иаков Зеведей и Иаков Алфей. Так у Мишки и получилось десять. Были среди апостолов и еще тезки: Симон, брат Андрея, и Симон Кананит, но у брата Андрея Первозванного было прозвище – Петр (камень). Под этим именем он в основном и известен, особенно среди неверующих и непросвещенных.

«Красота! Только один из пятидесяти, да ТАМ любая призывная комиссия померла бы от счастья. У них-то все наоборот: один абсолютно здоровый из пятидесяти призывников – уже хорошо, а то и столько не набирается».

– Спасибо на добром слове, матушка боярыня, не желаешь ли посмотреть, чему учить ребят собираемся?

– Отчего же не посмотреть?

Ниней с достоинством утвердилась на специально для нее приготовленной лавке, а ребята повторили для нее (да и для «курсантов» тоже) часть циркового представления. Жонглировали кинжалами, скакали верхом, стреляли из самострелов. Когда в стоящего у стены дома Роську полетели кинжалы, «курсанты» чуть ли не хором ахнули, а когда Мишка, завязав глаза, принялся поражать одну мишень за другой, разразились восторженными криками.

Неожиданно для Мишки к представлению подключился Дмитрий. Сначала сделав круг верхом, он повторил номер с подбором на скаку воткнутого в землю кинжала, а потом соскочив на землю и дав коню отбежать, заарканил скакуна. Заставив коня остановиться, Митька птицей взлетел в седло и показал такой класс джигитовки, что даже Немой несколько раз одобрительно хлопнул в ладоши.

Ниней смотрела на представление с обычной ласковой улыбкой, иногда кивая головой, а когда все закончилась, обратилась к «курсантам»:

– Ну, ребятки, коли все так выучитесь, я за вами, как за каменной стеной буду, никакие вороги не страшны!

«Курсанты» снова разразились восторженными воплями. Мишка причины восторга не уловил, но немного позже случайно услышал спор парней и понял, что Ниней и здесь умудрилась проявить свои волхвовские навыки. Каждый из учеников воинской школы был совершенно искренне уверен: именно с ним Ниней ласково поговорила, задержавшись дольше, чем около других учеников. Сделанное открытие Мишке очень не понравилось. Случись что, неизвестно, кому подчинится полусотня – своему старшине или волхве.

Закончив «смотр войск», Ниней ласково попрощалась и попросила Мишку проводить ее до дома.

«Внимание, сэр Майкл, баронесса Пивенская увиденным осталась явно довольна, следовательно, сейчас должно последовать некое предложение, от которого, скорее всего, будет очень трудно отказаться».

– Скажи-ка, Мишаня, как долго вы всему этому учились?

– Трудно сказать, – Мишка неопределенно пожал плечами. – Кинжалами играть я сам все лето учился, а братьев начал учить уже после купальских праздников, но к осени они умели уже все то же, что и я. Из самострела учиться стрелять начал в октябре, когда у тебя выздоравливал, а в середине декабря уже от волков отбиваться довелось.

– Слышала, слышала... Ты ведь тогда семерых зверей завалил?

– Пятерых. Только тогда я еще не очень-то метко стрелял, повезло просто. Но если считать от начала учебы и до тех волков, выходит месяца два. А братьев я примерно за месяц обучил, правда, на слух стрелять они не умеют, впрочем, и не старались научиться, да и некогда было.

– Значит, к осени ребят обучишь?

Мишка снова пожал плечами:

– Как получится. Кого-то лучше, кого-то хуже – способности-то у всех разные.

– Тех, у кого худо получаться будет, ты ко мне присылай, помогу. Но только тех, кто старается и не выходит, а лентяев сам вразумляй. Понимаешь?

Мишка еще не успел раскрыть рот для ответа, как Ниней «выстрелила» вопросом:

– Почему братья выучились быстрее, чем ты?

И снова тот самый взгляд, под которым невозможно соврать даже в самой малости. Мишка даже вздрогнул, хотя врать и не собирался.

– Так я почти всему сам учился, а братьев и я учил, и дед с Немым помогали.

Ниней некоторое время шла молча, Мишка шагал рядом, гадая о причинах такого интереса Ниней к срокам обучения.

«Что-то планируется на осень? Ерунда, я со своими пятьюдесятью самострелами серьезно ни на что повлиять не смогу. Да и что вообще может быть осенью? Дожди, грязь, непролазная, до первого снега всякое движение замирает. Чего-то вы, сэр, не понимаете, вернее, информации не хватает. Да и с Ниней с каждым разом разговаривать все труднее становится, какой-то непонятный напруг между нами все усиливается и усиливается».

Ниней наконец прервала молчание:

– Если я тебе еще полсотни ребят приведу, сможешь выучить вместе со своими?

«Так! То, о чем я и думал – обучать языческие кадры на нашей базе. Нет уж, милейшая баронесса, чтобы потом эти же “кадры” моих ребят по лесам резать принялись?»

– Нет, баба Ниней, прости, но нет.

Ниней явно не была готова к столь решительному отказу, раньше Мишка себе подобного тона никогда не позволял. Она даже остановилась и уставилась на Мишку испытующим взглядом.

– Что ж так, Мишаня?

– Воины должны быть единоверцами, у меня учатся только крещенные.

– Этих же окрестил и моих окрестишь, я позволяю.

«Ну да, все как по нотам – притворное крещение для получения знаний и навыков».

– Тесно у нас, этих-то с трудом разместили, куда же еще-то?

Ниней сердито стукнула посохом в землю.

– Не юли, Мишаня! Не хочешь брать моих ребят! Почему?

– Был у нас уже об этом разговор, баба Ниней, помнишь, наверно. Я делаю только то, последствия чего могу себе точно представить. А сейчас я последствий представить не могу. Вернее, могу, но они мне не нравятся. Учить тех, кто потом мне нож в спину всадит, это ж каким дураком надо быть? Ты же меня дураком не считаешь? До тех пор, пока ты мне не объяснишь, зачем тебе это понадобилось... И пока я не поверю, что это так на самом деле и есть... Не обессудь, ни одного твоего человека в учение не возьму.

– Вот, значит, как...

Ниней отвернулась от Мишки и медленно пошла к своему дому, а Мишка остался стоять на месте. Этого Ниней, похоже, тоже не ожидала, видимо, думала, что старшина Младшей стражи пойдет следом, попытается что-то объяснить, как-то смягчить впечатление от своего отказа... Мишка же, хоть и было ему неприятно отказывать Нинее, чувствовал за собой правоту и ни каяться, ни менять своего решения не собирался.

Старуха снова зло ткнула посохом в землю и развернулась лицом к Мишке.

– Не веришь мне? Я тебя когда-нибудь обманывала? Хоть раз зло тебе сотворила?

– Мне – нет, но сейчас я не за одного себя отвечаю. А верю или не верю... Крещение ведь будет притворным? Так?

– А эти? – Ниней кивком указала на дом, в котором размещалась воинская школа. – Они по своей воле крест приняли?

– Нет, не по своей, во всяком случае, не все. Однако приняли не для того, чтобы отринуть!

– Воинская школа на моей земле стоит, и я не могу в ней своих людей учить?

– ...

– Да стоит мне только повелеть!..

«Ну, сэр, сейчас ка-ак долбанет... Как того волхва... Как там Беяна причитала: “Убьет или разума лишит”.

Мишка буквально физически ощутил, как давит на него воля ведуньи, захотелось если не сбежать, то хотя бы отвести глаза, но именно сейчас этого ни в коем случае делать было нельзя.

«Нет здесь никакой мистики! Надо только выдержать, не поддаваться... Б-б-блин... Не будет она меня убивать, ей не убить, а подчинить надо... Кажется, надо выстроить в сознании стену, даже мысленно представить ее себе... Или все проще? А ну пошла на хрен, старая карга! Сейчас сам как долбану!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.